

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛЕГ МУШИНСКИЙ
**КРОНШТАДТСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

Клуб классического детектива

Олег Мушинский
Кронштадтский детектив

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)

Мушинский О.

Кронштадтский детектив / О. Мушинский — ИД «Флюид ФриФлай», 2019 — (Клуб классического детектива)

ISBN 978-5-906827-71-5

Олег Мушинский – современный российский писатель, работающий в жанре исторического и фантастического детектива. Лауреат премии «Электронная буква – 2018». Действие «Кронштадтского детектива» происходит в начале XX века. Агенту сыскной полиции Ефиму Кошину предстоит раскрыть загадочные, на первый взгляд, даже мистические преступления, и раскрыть быстро. Из столицы прибыл инспектор Гаврилов, чтобы оценить эффективность работы сотрудников кронштадтского отделения сыскной полиции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-906827-71-5

© Мушинский О., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Кронштадтский детектив	6
Часть первая. Маяк Петра Великого	7
Часть вторая. Семейное дело	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Мушинский

Кронштадтский детектив

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

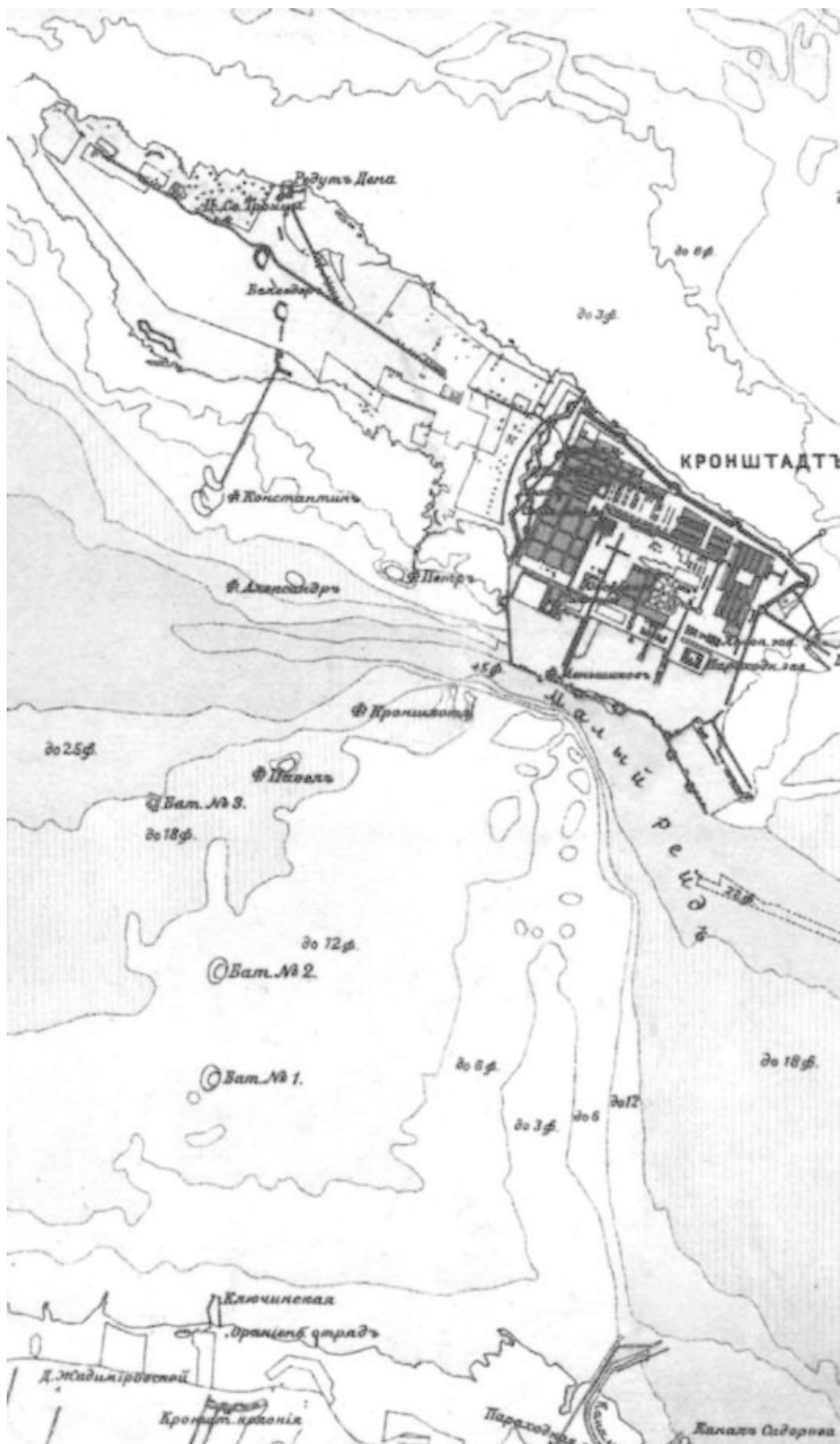
* * *

Кронштадтский детектив

Часть первая. Маяк Петра Великого

В РОССИИ ИНСПЕКТОР всегда прав.

Вот в Европе он – человек маленький. Довелось мне по случаю бывать в Англии, так у них в Скотланд-Ярде инспектор всего на один ранг старше сержанта. Мелкая сошка, чего и говорить. У нас же в России всё наоборот.

Маленький человек, став инспектором, сразу превращается в гиганта. Инспектор из Санкт-Петербурга выступает, словно колосс, и все вокруг него кажутся скромными букашками, которых он того и гляди раздавит. Ну а инспектор, назначение которого утвердил самолично государь император, и вовсе человек-гора!

Надо сказать, что Вениамин Степанович Гаврилов и без императорского назначения выглядел как гранитная скала: под два метра ростом, крепкий и широкоплечий, а сверх того абсолютно лысый. Его костюм-тройка, рубашка под ним, галстук, ботинки и даже зонтик – всё это было одинакового темно-серого цвета. Говорил Вениамин Степанович так уверенно, словно бы опирался на несокрушимую стену из аргументов. Причем когда этих аргументов не было, всё равно казалось, будто бы они были, просто еще не прозвучали.

Вот и в этот раз он уверенно сказал:

– Это, Ефим, убийство. Тщательно продуманное убийство.

И, разумеется, оказался прав.

ДЛЯ МЕНЯ ЭТА история началась за день до убийства. Если быть совсем точным, то в ночь на седьмое октября 1908 года. В этот день, примерно в половину первого на окраине Кронштадта обокрали дом Фроловых. Добычей вора стало столовое серебро общей стоимостью рублей на сто и скатерть со стола. В ней он, по всей видимости, унес краденное.

Унёс недалеко. Городовой Матвеев, подоспев на крик: «Держи вора!», увидел убежавшего от дому мужчину. Догнать он его, к сожалению, не смог, но рассмотреть сумел. Вор был невысокий и худой – Матвеев употребил слово «плюгавенький» – и никакого свертка в руках не держал. Более того, с этим серебром он вряд ли сумел бы развить такую прыть. Матвеев-то у нас бегун известный, даже призы выигрывал. Удрать от него с грузом – затея безнадежная.

Собственно, от него и налегке редко кому удавалось сбежать. В этот раз вору, можно сказать, повезло. Он с ходу через забор перемахнул, а Матвеев там замешкался. Ненадолго, но этого времени хватило, чтобы беглец успел скрыться в темноте. Однако, опять же, сигать через забор лучше налегке.

Вот так по всему и выходило, что вор припрятал добычу где-то неподалеку. Отсюда идея с засадой напрашивалась сама собой. Тем же вечером я изложил ее Вениамину Степановичу, тот минуту подумал и сказал:

– Действуйте, Ефим.

Я спросил, будут ли какие-нибудь указания, и услышал в ответ фразу, которую мне потом доводилось слышать излишне, на мой взгляд, часто:

– Напоминаю вам, Ефим, что я приехал в Кронштадт для того, чтобы инспектировать вашу работу, а не делать ее за вас. Вы ведь, согласно платежной ведомости, агент сыскной полиции, а не мальчик на посылах. Вот будьте любезны соответствовать.

Я сказал: «Слушаюсь!», и отправился соответствовать.

По правде говоря, дом Фроловых не выглядел так, будто бы там можно было чем-то серьезно пожить. Нет, конечно, это была не хибара, а деревянный дом в два этажа, но он точно знал лучшие времена. К дому примыкал маленький дворик. Там были туалет, колодец и дровяной сарай с покатой крышей. Ее-то я и выбрал в качестве наблюдательного пункта.

С крыши был отлично виден вход в дом, весь двор и часть улицы поверх забора. Сам забор изрядно покосился и местами держался исключительно с опорой на сорняки, которые вымахали с него ростом. Бороться с ними тут было некому. В домике обитали две сестры-старухи – обеим далеко за девяносто – да племянница их Катерина двадцати лет отроду. Девушка

была симпатичная, но такая худенькая, что я совершенно не представлял ее с косой в руках. Она, судя по сорнякам, тоже.

Зато я очень хорошо представлял себе, что именно легкомыслие девушки навело на дом преступника. Матвеев описывал его как прилично одетого человека: костюм, галстук, который на бегу наружу выбился, начищенные до блеска ботинки. Последнее городской заметил, когда лихоимец перемахнул через забор перед самым его носом. Такой человек больше походил на гостя, чем на вора.

Правда, сама Катерина визит ночного гостя с жаром отрицала, однако ее горячность убедила меня только в одном: тот был для нее человеком не случайным и девушка все еще надеялась на возвращение вороватого визитера. Я не стал ее разочаровывать, тем более что и сам на это очень рассчитывал.

Едва стемнело, я устроился на крыше. С улицы, получив строгий наказ без команды носа не высовывать, меня прикрывали трое городских, не оставив вору ни единого шанса на повторное бегство.

Вскоре после полуночи в дверях появилась Фекла Ильинична – младшая из двух сестер. В руках она держала лопату.

– Ну и ну, – не удержавшись, прошептал я, после чего мысленно поздравил себя с быстрым раскрытием дела.

Воровато оглянувшись по сторонам, бабка засемила к забору. Я подобрался. Спустя час выяснилось, что поздравления были преждевременны. Бабка прошерстила все сорняки вдоль забора от угла дома почти до самого сарая, но без всякого видимого результата. Наконец, терпение у нее лопнуло – от моего к тому времени тоже мало что осталось – и, бросив в сердцах лопату на землю, старуха ушла обратно в дом.

Я разочарованно вздохнул и уставился в ночное небо. По небу плыли тучи, похожие на тени огромных аэростатов. Сами аэростаты, а вместе с ними и мои мысли, были в далеком Берлине. Там сегодня должен был состояться финал международного перелета воздушных шаров. Тридцать два аэростата из разных стран, и только меня там не было! А у меня бы, небось, шар не лопнул на высоте, как у тех бестолковых испанцев. Я снова вздохнул, и замер...

С улицы слышались шаги. Я осторожно выглянул. У калитки остановился мужчина. Лунный свет едва пробивался сквозь тучи, и мне удалось разглядеть лишь то, что он был среднего роста и носил широченное пальто с белым меховым воротником.

Мужчина вытащил из кармана то ли монетку, то ли пуговицу, и бросил ее в окно на втором этаже. Тихо звякнуло стекло. Метательный снаряд упал в сорняки под домом. Я склонен считать, что это всё-таки была монетка, поскольку мужчина не поленился залезть в сорняки и, чертыхаясь, отыскать там свою потерю. Для вернувшегося за добычей вора он вел себя малость шумновато, да и комплекцией никак не подходил под описание, которое дал мне Матвеев.

Спустя минуту из дома выскользнула Катерина. Она выскочила за калитку и, прикрыв ее за собой, прижалась к ней спиной. Мужчина с грацией контуженного медведя скакнул к девушке. Минут десять они шептались. Точнее, шептала в основном Катерина. Мужчина, когда ему представлялся шанс вставить слово, бубнил что-то себе под нос и смешно пожимал плечами – вначале левым, потом правым. Затем Катерина вновь скрылась в доме. Мужчина громко вздохнул и, понуриив плечи, побрел прочь. Я проводил его взглядом и вытащил из кармана часы. Было ровно два часа ночи.

На крышу сарая запрыгнул серый кот. Заметив меня, он возмущенно мявкнул и в два прыжка перебрался под крышу. Я подумал, что это не такая уж плохая идея – начал накрапывать мелкий дождик, – но тут вновь появилась Фекла Ильинична.

На этот раз бабка держала в руках керосиновую лампу. Стекло лампы было замотано тряпкой, но спереди оставалась щель, превращая лампу в подобие фонаря. Фитиль едва горел, и свет был неярок. Бабка определенно не хотела, чтобы ее кто-то заметил.

– Ну что, Фекла Ильинична, – прошептал я. – Вспомнила, где лежит серебро?

Поначалу казалось, что да. Бабка первым делом отыскала лопату и решительно направилась к туалету. Она подступила к этому невзрачному домику с таким энтузиазмом, с каким, наверное, начинающий археолог раскапывал свою первую египетскую гробницу. Вот только сокровищ там не оказалось.

Отставив лопату к стене, бабка окинула взглядом двор и с не меньшей решимостью переключилась на кусты смородины. Те мирно соседствовали с сорняками у забора, и в темноте я не мог разобрать, где начинались одни и начинались другие. Бабка, подсвечивая себе лампой, начала шерстить исключительно смородину. Я ждал. Бабка шуршала в зарослях не меньше четверти часа, и нашла там свой радикулит. Так и уползла в дом, согнувшись, ведьма старая.

Едва она скрылась в доме, в небесах окончательно потемнело, загремело и налетел такой ветер, что я запросто мог улететь в Берлин своим ходом и даже поспел бы к финалу небесных соревнований.

С каждым новым шквалом мне казалось – вот теперь точно унесёт! Вместе с крышей. Я уж, грешным делом, представлял себе завтрашние заголовки в газетах: *«Ефим Кошин летал по небу будто ангел»*. Или не ангел. В своем черном плаще я бы, скорее, сошел за беса, да и бабка моя всегда про меня говорила: «худой как чёрт». В общем, все зависело от настроения газетчиков.

Могли бы, к примеру, и такое написать: *«Ефим Кошин проплыл рекордную дистанцию на крыше сарая»*. Дождь такой хлынул, будто бы кто-то наверху решил, что настало время второго потопа и этот дождь – единственный, кто отвечал за его водоснабжение. Поливал так, что я подчас чувствовал себя не только пловцом, но и ныряльщиком. Особенно ближе к утру. Помнится, за день до этого я читал в газетах про американский экипаж, который вместе со своим воздушным шаром упал в море, и газеты от души позубоскалили над едва не утопшими воздухоплавателями, так сказать, наглядно показав, что было бы, попадись я им на карандаш.

Вот чего бы они точно не написали, так это: *«Кража столового серебра у Фроловых раскрыта»*. Вор, к сожалению, не воспользовался возможностью вернуться под шумок за добычей. То ли затаился, то ли махнул рукой на столь скудный улов. Когда буря утихла, а на востоке забрезжил рассвет, я стёк с крыши на улицу.

Рядом, словно бы из ниоткуда, возник городской Матвеев.

– Рановато ты, – сказал он. – А хотя какая разница? Не придет он. Хотел бы, давно бы наведася.

– Что значит: рановато? – удивился я и обернулся.

На востоке было темно. Должно быть, я принял за рассвет последнюю молнию уходящей бури, но лезть обратно, на мокрую крышу, не было никакого желания. В борьбе с собственной совестью я положился на монетку. Подбросил, поймал – выпала решка, и я махнул рукой.

– Да, наверное, – ответил я городовому. – Тоже думаю, что не придет, но вы с ребятами всё-таки присматривайте за домом. Мало ли что.

Матвеев кивнул. Мол, конечно, само собой.

– Ну, тогда бывай, – добавил я и побрел докладывать, что идея с засадой оказалась неудачной.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НАД городом занимался настоящий рассвет. Дождь всё еще накрапывал, но уже редкий и мелкий. С деревьев за ночь облетели последние листья. Вдоль по Соборной улице их прибило к тротуару, и получилась узенькая золотая тропинка на безысходно-черном фоне. Трава на газоне зеленела по-прежнему, будто еще на что-то надеялась, вопреки календарю. Ветер сгонял тучи прочь, расчищая путь солнечным лучам. Точь-в-точь наш дворник. Тот тоже, бывало, всю ночь куролесил, а утром глядишь – как ни в чём не бывало исправно мёл себе двор.

На улицах было немногочисленно. Большой частью всё те же дворники спешили прибрать учиненный природой беспорядок. У Гостиного двора двое торговцев торопливо перебрасывали с повозки свой товар под крышу. Рядом, лениво поглядывая по сторонам, скучал пузатый городской.

За углом я свернул в сквер, и там мне навстречу попался какой-то оборванец. Он явно спешил, хотя еле переставлял ноги. Поначалу я принял его за нищего. За сквером возвышался Андреевский собор, где служил отец Иоанн, и эта братия завсегда подтягивалась к его выходу. По времени, кстати, он скоро должен был быть, но оборванец шел не к собору, а от него.

Едва мы с ним разминулись, как впереди кто-то взвыл. Звали на помощь. Кричали, скорее всего, не у собора, а чуть левее, около канала, но за изморосью я никого там не разглядел. Оборванец, втянув уши в плечи, торопливо засеменил прочь.

Высматривая, кому там понадобилась помощь, я поспешил к каналу. Как оказалось, кричала совсем юная барышня. Одета она была явно не по погоде: легкая шляпка, белое платье и кофточка поверх него. Последняя, промокнув под дождем, больше походила на подтаявший снег, который прилип к статуе в парке, чем на предмет гардероба. Сходство тем более усиливалось, что барышня застыла у ограды совершенно неподвижно. Вцепившись в чугунную решетку, она напряженно всматривалась вниз.

Что тут стряслось, спрашивать не потребовалось. Рядом с барышней на ограде висела белая рубашка. Ветер вяло трепал мокрые рукава. Под оградой прямо в луже валялись брюки. Поверх них – видимо, чтобы не уплыли – стоял сапог. Второй сапог, точно забытый часовой, понуро мок у самой ограды. На углу я заметил темно-зеленое полупальто. Хозяин одежды, по всей видимости, плескался сейчас в канале. Барышня, казалось, была готова нырнуть туда же.

– Стойте! – заорал я.

Барышня стремительно повернулась.

– Боже мой! – воскликнула она. – Скорее!

Барышня бросилась мне навстречу, но тотчас споткнулась и упала. Шляпка слетела с ее головы. Я успел заметить золотистые волосы, которые обрамляли лицо подобно ангельскому ореолу, но как следует разглядывать ее, увы, было некогда.

Из канала донесся хриплый вскрик, за которым последовал плеск. Я подскочил к ограде и успел заметить две руки, уходящие под воду. Барышня начала подниматься на ноги. Бедняжку так шатало, что она в любой момент могла грохнуться в обморок. Опираясь о мостовую левой рукой, барышня протянула ко мне правую.

– Оставайтесь там! – скомандовал я, торопливо сбрасывая одежду.

Стоило мне снять плащ, как холодный ветер сразу пробрал меня до самых костей. Я поежился и скинул сапоги. Когда вслед за ними последовали брюки, барышня тактично отвернулась. В этот момент руки вновь появились над водой, а вслед за ними на поверхности показался их обладатель – юноша с курчавыми, как у барышни, светлыми волосами.

– Держись! – крикнул я ему, перебираясь через ограду.

Канал ограждала высокая решетка с острыми наконечниками. По счастью, некоторые прутья отсутствовали. Зачем горожане с упорством, достойным лучшего применения, регулярно их выпиливали – до сих пор не понимаю – но конкретно в тот момент я был благодарен этим безвестным вандалам. Выдохнув, я одним рывком протиснулся на ту сторону. Юноша вскинул руки над головой и так быстро ушел под воду, словно бы кто-то утянул его снизу. Я нырнул следом.

Надо заметить, что октябрь у нас в Кронштадте – далеко не купальный сезон, а в этом году осень выдалась на редкость холодной. По утрам стоял такой колотун, словно природа уже репетировала зиму. Вода в канале оказалась просто ледяная, да еще и грязная. Ничего не видно! Искать тут можно было только на ощупь, а на ощупь я нашел лишь дно – илистое и

ровное. Вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, я увидел, как барышня показывала мне руками через прутья – мол, он где-то там!

Увы, но и на «где-то там» результат оказался тот же самый. Повезло мне только на пятый раз, да и то, по правде говоря, случайно. Я всплывал на поверхность, потеряв всякую надежду спасти бедолагу и подумывая, что надо бы выбираться отсюда, пока сам не окочурился, когда я зацепил чью-то руку. Тонкая, с маленькой ладонью, она вполне могла принадлежать девушке. Молясь, чтобы это оказалась не барышня, нырнувшая-таки в канал, я потянул найденное тело наверх.

К счастью – хотя какое уж тут счастье?! – барышня по-прежнему металась в панике за оградой. Рука принадлежала юноше. Бедолага был бледен и, казалось, уже не дышал. Остекленевшие глаза смотрели в никуда. Я встряхнул юношу – насколько, конечно, можно было встряхнуть его в нашем положении – но абсолютно без толку.

Взгляд по сторонам прибавил моему настроению минорности. По обе стороны от меня вставали облицованные гранитом стены. Ровные, гладкие и очень высокие. Взобраться по ним без посторонней помощи лично мне представлялось задачей непосильной.

– Эй, внизу! – раздался зычный бас.

Я поднял голову. Через ограду мне махал рукой моряк в черном бушлате. Едва я повернул к нему голову, как моряк тотчас сбросил мне веревку. Ее конец плюхнулся в воду прямо перед моим лицом. Я вцепился в нее, что было сил и стараясь при этом не выпустить юношу.

– Тащи! – крикнул я.

На самом деле у меня получился не крик, а какой-то всхрип, но меня услышали. Веревка натянулась. Нас с юношей буквально выдернули из воды и мигом вознесли наверх. Я поначалу подумал, что матрос не иначе как Илья Муромец, однако тот оказался просто расторопным малым, успевшим привлечь на помощь еще троих прохожих.

Один из них подскочил слева и, схватив юношу под руки, выволок его на твердую землю. У меня еще хватило сил выползти самому, хотя на этом они и закончились. От холода уже зуб на зуб не попадал. Юноша по-прежнему не подавал признаков жизни. Барышня с криком бросилась ему на грудь. Она тормозила беднягу, называла по имени – Андреем – и ругала на чём свет стоит за то, что он, зараза такая, надумал покончить жизнь самоубийством. Юноша не отвечал.

Вокруг, как водится, невесть откуда появились зеваки. Они словно бы выпали с неба вместе с последними каплями дождя. Солидный мужчина в черном костюме принес мою одежду и помог мне натянуть ее. Притопал тот самый городской, что дежурил у Гостиного двора – с его комплекцией глагол «прибежал» был бы абсолютно неуместен – и, грозно покрикивая, быстро оттеснил зевак.

– Надо послать за доктором, – предложил кто-то из них.

– Послали уже, – отозвался сердитый бас.

И верно.

– Пропустить! – прокаркал кто-то за спинами зевак. – Пропустить! Все пропустить! Врач!

Этот голос был мне хорошо знаком. Он принадлежал доктору Азенбергу. Сам доктор был из немцев и носил двойное имя – Клаус Франц, однако в Кронштадте, так уж повелось, к нему обращались Клаус Францевич.

На самом-то деле у батюшки нашего доктора тоже было двойное имя – Лев Альберт. Именно так! И вот попробуйте-ка выговорить: Клаус Франц Львович Альбертович. Тут и язык сломать недолго. Вот у нас все и переиначили. Доктор давно привык и нисколько не обижался. Тем более что у них, в Германии, величать по отчеству и вовсе было не принято.

Зеваки расступились, пропуская доктора, и вновь сомкнули ряды за его спиной.

– Барышня, пропустить врача, – попросил доктор.

Она даже головы не повернула. Городовой попытался тактично отстранить ее от тела, да куда там?! Барышня вцепилась намертво. У доктора тут и вовсе не было ни единого шанса. Маленький и жилистый, он, если бы не седая бородка клинышком, вполне сошел бы за подростка. Мне же лично Клаус Францевич больше напоминал оголодавшего гнома. Его неизменный темно-синий камзол, по словам доктора, считался невероятно модным в Германии. Считался, по крайней мере, когда Клаус Францевич был еще молод, но, вообще-то, с тех пор много воды утекло.

– Барышня, пропустить! – снова прикрикнул доктор.

Он опустился рядом с юношей на колени, не обращая внимания, что оказался прямо в луже, однако свой саквояж поставил туда, где посуше. Барышня продолжала тормозить утопленника.

– Ладно, будет! – строго прикрикнул на нее моряк.

Та удивленно подняла голову. Моряк приобнял ее за плечи и отстранил от тела.

– Вот так вот, – уже тише и куда добрее сказал он.

Доктор незамедлительно склонился над юношей. Зеваки подались поближе. Городовой прикрикнул на них, и те отпрянули обратно. Пока Клаус Францевич колдовал, моряк, аккуратно свернув веревку в кольцо, протянул ее мне:

– Ваша? – спросил он.

Я отрицательно помотал головой.

– Где вы ее в-зяли?

– Да вон, прямо тут на углу валялась, – моряк махнул рукой туда, где канал делал поворот. – Я еще подумал: как кстати. Прямо по размеру, да и крепкая, не гниль какая-нибудь. Не иначе, ваш ангел сегодня не дремал на посту.

В ответ я смог только кивнуть.

– Авось обронил кто, – заметил городовой. – Сегодня торговля рассуежилась спозаранку.

– Ну, тогда ищите, чья пропажа, – ответил моряк, отдавая ему веревку. – А у меня, извините, служба.

Он лихо козырнул на прощание и так быстро исчез за толпой, словно растаял в воздухе. Я же чувствовал, что превращаюсь в ледяной памятник самому себе.

Доктор медленно поднял голову.

– Ну что там, Клаус Францевич? – простучал я зубами.

Как морзянку отбарабанил. Барышня моментально умолкла, вся обратившись в слух.

– Я сказать плохой новость, – вздохнул доктор. – Он умирать. Вы, Ефим, должны греться. Быстро! Иначе будет еще одна плохая новость. Тут я не могу помогать. Простите.

Последнее было обращено к барышне. Она медленно кивнула, стоически воспринимая «плохую новость», но не удержалась и спрятала лицо в ладонях. Я набросил ей на плечи свой плащ. Холодный ветер тотчас грубо напомнил, сколь непрактично благородство. Его поддерживал доктор, велел мне незамедлительно убираться куда-нибудь в теплое место. То есть велел, конечно, со всей своей немецкой тактичностью, но суть была именно таковой.

– Иначе быть вам, Ефим, полный каюк! – пообещал он.

Надо сказать, тут я с ним был полностью согласен.

ОТ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ до полицейского отделения было рукой подать. Не прошло и десяти минут, как я, переодевшись в сухое, сидел в начальственном кабинете. В углу пыхтел самовар, а Вениамин Степанович самолично заваривал нам чай.

Это дело он никому не доверял. Только один раз, сразу по приезде, Вениамин Степанович отведал чаю, который специально для него заварил наш вечный дежурный Семён. Приличный чай, кстати. Я себе домой такой же покупаю. Однако едва Вениамин Степанович сделал первый глоток, в воздухе запахло грозой. Во взгляде инспектора отчетливо читалось: «Если

вы рассчитывали вытурить меня из Кронштадта вот этой вот пакостью, то вы, братцы, сильно просчитались». Впрочем, тогда гроза прошла стороной, но с тех пор Вениамин Степанович заваривал чай самостоятельно. Покупал он его, кстати, тоже сам, у китайцев в Гостином дворе. Причём за такие баснословные деньги, что по мне, так они еще должны были поднести инспектору фарфоровый сервиз, а не просто кланяться с хитрющими улыбками на физиономиях!

– Итак, что там стряслось, Ефим? – спросил Вениамин Степанович, когда священнодействие – иначе процесс заваривания чая в его исполнении никак нельзя было назвать – завершилось, и он поставил передо мной кружку. – Пейте и рассказывайте. В таком порядке.

– Спасибо, – сказал я и осторожно отхлебнул.

Чай был горячий, но уже не кипяток, и у него был странный привкус. Из кружки ощутимо тянуло паленым. А ведь китайцы знали, кому чай отпускали. Семен их сразу предупредил, кто их важный покупатель и чем это может для них кончиться, так что вряд ли они осмелились бы столичному инспектору какую-нибудь дрянь втюхать.

Я сделал еще глоток, решил, что на вкус всё-таки неплохо, даже оригинально, и сказал:

– Да, в общем, рассказывать толком нечего, Вениамин Степанович. Когда я появился, бедняга уже тонул, и спасти его, увы, не удалось.

В этом была вся суть, но инспектору подавай детали: кто где стоял, что делал, что говорил. Я понимаю, в сыском деле всякая мелочь должна быть на своем месте, но не раздувать же ради этого из мухи слона! Вот скажите на милость, какая, к примеру, разница: «спасите» или «скорее» кричала барышня? Я, пока подробно изложил всю историю, успел обсохнуть и допить чай.

– Хорошо, Ефим, – сказал инспектор. – Последний вопрос. Почему он тонул?

Я даже не сразу нашелся, что ответить. Вроде бы это было абсолютно очевидно.

– Так вода холоднющая, Вениамин Степанович. Руки-ноги свело, и привет. Да и пловец из него, прямо скажем, неважный. Барахтался кое-как, да и только.

– Это объясняет, почему он утонул, – недовольно проворчал инспектор. – А вот почему он вообще в канале оказался?

– Наверное, он – самоубийца, – ответил я.

– Наверное? – строгим тоном переспросил инспектор.

– Барышня ругала его как самоубийцу, – сказал я. – Но действительно ли он сводил счеты с жизнью или так она оценила его идею искупаться – тут я сказать не берусь. В любом случае случайно он в канал упасть не мог. Там решетка. Дырявая, правда, но не настолько, чтобы ее не заметить. К тому же он разделся. Значит, собирался прыгать.

– Скорее всего, – согласился инспектор. – Но, возможно, у него были для этого какие-то другие причины.

– Например, барышня, – усмехнулся я. – Которая решила избавиться от настойчивого кавалера и перебросила его через двухметровую решетку.

– Как версия, это вполне допустимо, – неожиданно согласился инспектор. – Но в ней, Ефим, есть два изъяна: слабый мотив и слабая физическая подготовка самой барышни. Она не смогла бы перебросить через решетку даже такого, как наш утопленник. Если только заставила самого перелезть. Вы не заметили у нее в руках, к примеру, пистолет?

– Нет. Да не она это, Вениамин Степанович, – вступился я за девушку. – Стала бы она тогда на помощь звать?

Инспектор покачал головой.

– Ну, звала-то она, положим не слишком активно, – сказал он. – Другая бы на ее месте сиреной завывала.

– Главное, дозвалась, – возразил я. – Всего одним криком, можно сказать.

– Да, это важно, – согласился инспектор. – Но это не объясняет, почему юноша оказался в канале? Почему, Ефим?

Его указательный палец, как револьвер, нацелился на меня, требуя незамедлительного ответа. Вот так с ходу у меня была только версия о самоубийстве.

– Не иначе, умом тронулся, – сказал я.

Инспектор сложил пальцы домиком и задумчиво уставился поверх них на свою кружку с чаем. Она у него была достойна особого внимания: размером с пивную, из синего фарфора с золотым узором. Если повернуть ее к себе ручкой, то слева красовался герб Российской империи, а справа – императорский вензель. По слухам, это был подарок от самого государя.

– Положим, ум – потеря серьезная, – констатировал инспектор. – Действительно, есть о чём сожалеть. Опять же, без него глупости всякие легче совершаются. А с чего он так вдруг умом тронулся, вы, конечно, не знаете?

Я пожал плечами.

– Тогда спросите у свидетельницы, – сказал инспектор. – Где там, кстати, эта красавица?

– В приемной, – ответил я. – Семен ей обещал найти что-нибудь накинуть на плечи. Она тоже малость промокла под дождем.

– Вот как? – произнес инспектор. – Хорошо, зовите ее сюда.

Не успел я подняться со стула, как в дверь постучали и в кабинет заглянул Семен. Высокий, на голову выше меня, франтоватый и всегда одетый с иголочки, сейчас он более всего напоминал кота в самом конце марта. Глаза потухли, лапы заплетались и только грудь исключительно по привычке колесом. В руках Семен держал объемистый сверток и пару сапог.

– Ну что там барышня? – сразу осведомился инспектор.

– Плачет, Вениамин Степаныч, – ответил Семен. – Сейчас в приемной потоп будет почище чем на улице.

– Только этого не хватало, – проворчал инспектор и отхлебнул чаю: – Что-нибудь по делу есть?

– Так точно, – ответил Семен. – Наш утопленник – Золотов Андрей Викторович, шестнадцати лет отроду, уроженец Нижегородской губернии. Барышня – его родная сестра Маргарита Викторовна. Из других родственников – дядя, он же отчим Золотов Артём Поликарпович. Имеет какую-то третьеразрядную торговлю в Кронштадте. Вот... Тело, как вы распорядились, доставили к нам в холодную, а это вот его вещи.

Семен положил на мой стол сверток, а сапоги поставил рядом.

– Есть что-нибудь интересное? – осведомился инспектор.

– Виноват, Вениамин Степаныч, не смотрел, – ответил Семен.

– Ефим, посмотрите, – сказал инспектор.

Я развернул вещи утопленника на столе. На первый взгляд, тут было всё, что я успел заметить у ограды. Поиск по карманам принес мне серый конверт из парусины. Внутри оказался лист плотной бумаги, сложенный вчетверо. От воды он нисколько не пострадал.

На листе был карандашный рисунок, выполненный, надо сказать, с немалым мастерством. Я сразу узнал Андреевский собор и угол канала, где недавно искупался. Над каналом, именно там, где утонул этот Золотов, возвышалась гигантская каменная арка. Мне сразу показалось, будто бы я ее где-то видел, но никак не мог вспомнить, где именно. По крайней мере, не у собора точно. Ничего подобного там не было.

Под рисунком черными чернилами была сделана надпись:

Максимальная сила седьмого октября.

Буквы были такие мелкие и угловатые, что я поначалу принял их за орнамент. Сама же надпись мне ни о чем не говорила. Семену тоже, а вот инспектор сразу нахмурился. Обратная сторона листа была чистой.

– Это всё? – спросил инспектор. – Ни денег, ни документов, ни предсмертной записки?

– Нет, больше ничего, – ответил я.

– Что ж, придется работать с тем, что есть, – вздохнул инспектор. – И, кстати, я хочу сразу обратить ваше внимание на дату.

– Сегодняшняя, – отозвался я. – Может быть, имелась в виду буря этой ночью? Если он собирался топить, то у него были все шансы сделать это даже не прыгая в канал.

– Но он туда прыгнул, – возразил инспектор. – Причем уже после того, как прошла буря. Это, Ефим, делает вашу версию несостоятельной.

Других предположений у меня не было. Должно быть, это отразилось на моем лице, поскольку инспектор нахмурился и покачал головой.

– Мне это представлялось очевидным, – сказал он. – Впрочем, ладно, это не самая важная деталь. Сообразите по ходу расследования.

Последняя фраза со всей очевидностью подразумевала, что расследование предстоит проводить именно мне. Так оно и оказалось.

РАССЛЕДОВАНИЕ Я НАЧАЛ со знакомства с Маргаритой Викторовной. Теперь, наконец, у меня была возможность рассмотреть ее как следует.

Барышня была очень худенькой и очень красивой. В белом платье, с прекрасным лицом и ореолом золотистых волос она казалась мне ангелом. Старый пуховой платок на ее плечах, который Семен раздобыл не иначе как в чулане, топорщился в разные стороны, будто ошипанные крылья, но барышню это не портило. Даже напротив, прямо-таки взывало выступить на ее защиту.

Когда Семен пригласил барышню в кабинет, инспектор любезно предложил ей чаю. Она отказалась. Инспектор кивнул и погрузился в бумаги, всем своим видом давая понять, что всё последующее ему совсем не интересно. Я придвинул стул для посетителей к своему столу.

– Сюда, пожалуйста, – пригласил я.

Барышня едва заметно кивнула и опустилась на самый краешек стула.

– Я, наверное, должна вам всё рассказать, – почти прошептала она.

– Должны, значит, расскажете, – уверенно объявил я. – А мы вас внимательно выслушаем.

На моем столе лежала карта Кронштадта, расчерченная подробнейшей схемой ночной засады. Я убрал ее с глаз долой. Затем вынул из ящика бумагу, перо и чернильницу.

– Я... – начала барышня и запнулась, неуверенно посмотрев на меня.

– Ах да, простите, – спохватился я. – Ефим Родионович Кошин, агент сыскной полиции. Ваше имя, Маргарита Викторовна, мне известно. Я буду заниматься вашим делом... то есть делом вашего брата, так что рассказывайте всё смело и без утайки.

Барышня послушно закивала. В ее руках появился кружевной платочек. Я даже не заметил, откуда она его вытащила. Не иначе, из рукава. Промокнув глаза, она уже увереннее обратилась ко мне.

– Я должна сразу поблагодарить вас, Ефим Родионович...

– Вы, Маргарита Викторовна, как-то слишком легко делаете долги, – заметил я. – Давайте-ка по порядку. Как случилось, что ваш брат оказался в канале?

– Он прыгнул туда, – тихо ответила барышня.

– Почему?

– Боюсь, Андрей решил покончить с собой, – последовал печальный ответ. – Он к этому давно шел. Я, конечно, присматривала за братом, но...

– Да, финал я видел, – сказал я. – И что же его толкнуло на такой шаг?

Барышня замаялась.

– Нехорошо, конечно, за глаза плохо говорить про людей, – неуверенно сказала она. – Только вот по-другому мне и сказать нечего будет, – тут она сделала паузу, после чего всё-таки решилась и выпалила единым духом: – До самоубийства Андрея довел наш дядя.

– Вот как? – удивился я.

– Наверное, мне лучше рассказать всё с самого начала, – всхлипнула барышня.

– Похоже, так будет лучше, – согласился я.

Барышня снова вздохнула, после чего начала рассказывать:

– Мы сами из Нижнего Новгорода. Четыре года назад наши родители погибли. Утонули. Говорят, это был несчастный случай. Лодка перевернулась. Нас с Андреем люди вытащили, а больше никого. До сих пор помню этот ужас.

– Он имеет отношение к нынешнему делу? – уточнил я.

Плохих воспоминаний ей сегодня и без трагедий детства хватало.

– Ее брат тоже утонул, – подсказал Семен.

Барышня подарила ему благодарный взгляд.

– Спасибо, Семен, – прошептала она. – Да, наверное, я начала слишком издалека. Но тут я должна рассказать вам про завешание отца, а без него, то есть без его гибели, наверное, рассказ будет неполным.

– Достаточно указать сумму завешания, – сказал я.

– Двести пятьдесят тысяч, – легко ответила барышня. – По крайней мере, в такую сумму оценили коммерцию отца.

Я тихо хмыкнул. Что и говорить, деньги не маленькие. Пару недель назад в Петербурге налетчики взяли баню штурмом, со стрельбой из револьверов, а там в кассе всего пятьдесят рублей было. Ради четверти миллиона, наверное, и тяжелую артиллерию подтянули бы.

– И кому всё это богатство завешано? – спросил я.

– Отец всё оставил дяде, – последовал ответ. – Но там есть несколько условий. Дядя должен был заботиться о нашей маме, а в случае ее смерти... – тут барышня запнулась, но быстро совладала с собой. – О нас с братом. Сразу после похорон дядя продал дело отца, а нас усыновил и привез в Кронштадт.

– Ясно, – сказал я. – Дальнейшая судьба этих денег вам известна?

Барышня опять закивала. Прямо как китайский болванчик, что стоял у инспектора на столе.

– Да, знаю, – произнесла она. – Большую часть денег дядя вложил в свое предприятие, а пятьдесят тысяч положил в банк под процент. Это, Ефим Родионович, наши с Андреем деньги. Я не сказала вам? По завешанию, когда нам с братом исполнится восемнадцать лет, дядя должен каждому из нас выплатить по двадцать пять тысяч. Как написал отец, чтобы мы могли устроиться в жизни. Я этого не видела, но Андрей читал завешание. Он на юриста учится... учился, так что разобрался в этих делах.

Она поникла и закрыла лицо платком. Ее плечи задрожали. Я, честно говоря, малость растерялся. Это мокрое дело совсем не по моей части. В таком у нас Семен специалистом слыл. Надо отметить, не зря он таковым считался. Всего несколько фраз, переполненных участием, но не отягощенных смыслом, помогли барышне взять себя в руки.

– Итак, Маргарита Викторовна, продолжим, – спокойно, как будто ничего и не было, прознес я. – Даже пятьдесят тысяч – сумма серьезная. Тут возможны любые варианты. Простите за нескромный вопрос, вам когда исполняется восемнадцать лет?

– Через две недели, – ответила барышня. – В завешании был пункт, что если я выйду замуж раньше, то эти деньги должны быть сразу же выплачены в качестве приданого.

– А вы собираетесь замуж? – спросил я.

– Если бы нашелся достойный человек, – тут она глянула на меня поверх платка и снова спрятала глаза за ним, – тогда, конечно, собралась бы. Только не думаю, что дядя бы это одобрил. Он считает, что с женитьбой никогда не следует торопиться, а без его одобрения я замуж выйти не могу.

Вообще-то, конкретно по этому пункту я с ее дядей был полностью согласен, но вслух говорить этого, конечно, не стал.

– Хм... – протянул я. – Скажите, а что за человек ваш дядя?

Барышня вздохнула, глядя в пол.

– Наверное, я должна вам сказать, что характер у него тяжелый, – ответила она. – Даже слишком. Он вообще человек суровый, чуть что не по нему, сразу в крик. А в последние дни вообще как с цепи сорвался. Я лишний раз боюсь ему на глаза попадаться. С Андреем они постоянно ругались. Вчера так кричали друг на друга, что их, наверное, на улице слышно было.

– По поводу чего?

– Из-за денег.

Дальше со слов барышни нарисовалась банальная история. Купец сверх прочих недостатков оказался человеком прижимистым, если не сказать больше. Какие-то средства он детям выделял на расходы, но этого было мало даже в тринадцать лет, а теперь и вовсе казалось сущими крохами. Как сказала барышня: «Расходы в этом возрасте чуть-чуть другие».

Просьбы о повышении содержания, как правило, заканчивались скандалами, а то и побоями. Андрей стал поигрывать в карты, надеясь хоть так поправить свое финансовое положение, но без особых успехов. Семен на это проворчал, что лучше бы он нашел себе работу или службу какую.

– Так мы работали, – возразила барышня. – Я в лавке товар продавала, Андрей бумагами занимался, но дядя нам ни копейки не платил. Говорил, что это, мол, семейное дело, мы и так на себя работаем. Когда он помрет, нам же больше останется. Только он по-прежнему живой, а вот Андрея уже нет.

Семен покачал головой. Мое мнение о купце тоже упало до весьма низкой отметки. Больше, чтобы отвлечь барышню от неприятной темы, чем с каким-то прицелом, я развернул найденный в кармане утопленника лист бумаги.

– Откуда это у вас?! – вскинулась барышня.

– Нашли в кармане вашего брата. Я так понимаю, композиция вам знакома.

Барышня кивнула.

– Я могу это забрать? – прошептала она. – Как память о брате.

– Конечно, Маргарита Викторовна, но чуть позже, – ответил я. – Вначале расскажите, что это за рисунок?

Барышня ненадолго задумалась. Потом спросила:

– Вы, конечно, слышали легенду о Петровской арке?

– Вообще-то, нет, – не стал лукавить я.

– Ну, нам Мартын рассказывал, – начала барышня. – Простите, не знаю, как его по батюшке. У него заведение неподалеку от нашего магазина, оно «У Мартына» называется.

– Знаю, – кивнул я. – Только я бы не стал верить на слово всему, что он рассказывает. Хотя легенда есть легенда. Как я понимаю, речь в ней шла вот об этой конструкции?

Я постучал указательным пальцем по рисунку.

– Да, Ефим Родионович, – кивнула барышня. – Это Петровская арка. Точнее, маяк в виде арки. Его царь Петр построить хотел, но не успел.

На этот раз для разнообразия кивнул я, сообразив, наконец, о чём шла речь. Про задумку Петра Великого построить маяк в виде огромной арки, под которой корабли проходили бы в Кронштадт, я слышал. Даже видел: в Морском собрании гравюра висела. Правда, особенно я ею не заинтересовался, а потому и не припомнил сразу. Да и сходство было не полным. Арка на гравюре демонстрировала размах замысла, тогда как на рисунке, который я держал в руках, она робко втискивалась в отведенный ей объем.

Однако если из-за каждого замысла Петра Великого в канал бросаться, то в нём от утопленников будет не протолкнуться. У него этих замыслов было столько, что потомкам на пол-

века хватило и еще осталось. Эта арка относилась к тому, что осталось. Не потянул бюджет российский такую задумку, хотя, согласен, было бы красиво.

– Мартын сказал, что увидеть эту арку может только по-настоящему заблудший человек, – продолжила свой рассказ барышня.

– И ваш брат считал, что это он и есть? – уточнил я.

В ответ снова последовал кивок.

– Да. Он к тому времени к картам всерьез пристрастился, каждую неделю ходил играть. А в легенде сказано, что если проплыть под аркой, то заблудший непременно найдет правильный путь. Маяк укажет. Вы, Ефим Родионович, только не думайте, что я – сумасшедшая. Я сама в это не верила. Но Андрей верил.

– Да, это важно, – процитировал я недавнюю фразу инспектора.

Барышня опять кивнула, прежде чем рассказывать дальше. По ее словам, за последний месяц брат ей все уши прожужжал об этой арке. Мол, если бы он только смог проплыть под ней, то тогда бы не только карты забросил, но и вообще бы со всеми проблемами расквитался, и стал бы приличным человеком. Дядя его, понятное дело, всецело в этом поддерживал.

– Бесовщина какая-то, – проворчал Семен себе под нос.

Барышня кивнула и, вздохнув, развела руками. Мол, ну а я то что могла тут поделать?

– М-да, история, – протянул я. – Стало быть, Маргарита Викторовна, ваш брат основательно загорелся идеей проплыть под этой аркой. С целью, скажем так, обрести правильный путь в жизни и всякие другие блага, какие за этот подвиг полагались. Так?

В ответ последовал еще один кивок и новая порция истории семьи Золотовых. Рисунок этот барышня видела по случаю, а вот приписку снизу – нет, и что она означала, Маргарита Викторовна не знала. Скорее всего, что в указанный период толку от арки должно было быть больше, чем обычно, но Маргарита Викторовна не поручилась бы за это. Саму картинку утопленник при жизни хранил в своем дневнике, и барышня подумать не могла, что он возьмет ее с собой.

– Ну, так я полагаю, он-то думал, что не топить-ся идет, – заметил я. – Проплывет под аркой, и выплывет прямиком в лучшую жизнь.

– Ага, – кивнула барышня. – Только он плавать не умел. Это настоящее самоубийство было, но он же упертый, как баран! Простите.

– Ничего.

Дальнейшее было очевидно. Излишне доверчивый, как сказала Маргарита Викторовна, Андрей сразу поверил в сказку, а регулярные скандалы с дядей только подогревали его решимость решить все проблемы одним заплывом. Барышня, справедливо опасаясь, что эта, как выразился Семен, бесовщина до добра не доведет, старалась как могла, присматривать за братом. До сегодняшнего утра ей это удавалось, но после вчерашней баталии с дядей, которую Андрей проиграл вчистую, он больше ничего не хотел слушать. Всё, что могла сделать Маргарита Викторовна – это побежать за ним, когда тот поутру выскользнул из дому. Даже одеться толком не успела.

– Дальше вы всё знаете, – закончила барышня.

– Не совсем, – возразил я. – Скажите, вы действительно видели нечто похожее на эту арку над каналом?

– Вообще-то нет. Но Андрей, конечно, видел, иначе бы не прыгнул...

– И тогда вы закричали, – подсказал я.

– Да, – вновь кивнула барышня. – И я вам очень благодарна за то, что пытались его спасти. Сама бы я, наверное, так и не решилась прыгнуть.

Я призадумался. В общем-то, всё мне в этом деле казалось ясным, за исключением одного вопроса: целенаправленно ли отчим доводил племянника до самоубийства или, что называ-

ется, не сошлись характерами? Лично я был склонен считать, что ближе к истине второй вариант. Это, впрочем, не отменяло необходимости вправить мозги распоясавшемуся купцу.

– Не волнуйтесь, Маргарита Викторовна, – объявил я. – Разберемся. Мы и не с такими делами разбирались.

Семен отобразил на лице необходимый минимум для сардонической ухмылки, однако барышня, конечно, не могла знать, что я на службе в сыскальной полиции всего две недели и кража у Фроловых была моим первым самостоятельным делом.

– Я вам верю, Ефим Родионович, – прошептала она.

– Замечательно, – подытожил я. – Тогда вот как мы с вами поступим. Нужно оповестить вашего дядю, Артема Поликарповича, о смерти племянника.

– Я готова, – мужественно пообещала барышня.

– Могу составить компанию, – сразу предложил Семен. – Всякие переговоры – это по моей части.

«Барышня красивая по твоей части, – мысленно возразил я. – А тут дело серьезное».

– Идея хорошая, – произнес я вслух. – Но мне надо бы на месте осмотреться как следует. И еще. Маргарита Викторовна, у меня к вам будет просьба.

– Какая?

– Пожалуйста, ничего сами не предпринимайте и не провоцируйте вашего дядю. Будет лучше, если он вообще пока не узнает, что вы дали столь подробные показания.

– Понимаю, – послушно кивнула она.

– Ну и отлично. Семен, подбери Маргарите Викторовне накинуть что-нибудь потеплее. На улице, чай, не май-месяц.

– Будет сделано, – пообещал Семен.

Они вышли. Я оглянулся на инспектора. Тот по-прежнему держал в руках какой-то отчет, но внимательно смотрел поверх бумаги на меня.

– Что скажете, Вениамин Степанович?

По правде говоря, я ожидал услышать в ответ на свой вопрос всё ту же сентенцию о том, кто тут инспектор, а кто – агент сыскальной полиции, которую, при должном нахальстве, вполне можно было в дальнейшем трактовать как карт-бланш на переговоры с купцом. Однако инспектор отложил лист в сторону и сказал:

– Это, Ефим, убийство. Тщательно продуманное убийство.

Должно быть, моё удивление отразилось на лице. Инспектор покачал головой:

– А я думал, Ефим, вы и сами обо всем догадались. Тут же всё просто.

– Ну, слово «заподозрил» будет ближе к истине, – ответил я.

Еще ближе к истине было бы слово «сомневаюсь», причем в значении: «сомневаюсь, что здесь имело место хотя бы целенаправленное доведение до самоубийства». С другой стороны, дело о краже у Фроловых тоже представлялось мне простеньким, а на практике я целую ночь мок и мерз в засаде, а воз, как говорится, и ныне там. Не хотелось бы второй раз подряд оплошать.

– Но... – я начал фразу, еще не будучи уверен, что именно «но», однако мозг отработал в правильном направлении; и это направление мне не понравилось: – Но тогда в ближайшие две недели может произойти еще одно убийство.

– Маловероятно, – немного подумав, ответил инспектор. – Тем не менее полностью исключать такую возможность нельзя. Поэтому вам следует разобраться с этим делом сегодня же. Действуйте, Ефим.

Я потратил еще минут десять на то, чтобы выудить у него хоть какие-то догадки. С таким же успехом я мог бы попытаться переспорить египетского сфинкса. Вениамин Степанович еще раз напомнил мне, что он тут инспектор. Я, в свою очередь, напомнил ему, что он тут еще и начальник сыскального отделения. Точнее, временно исполняющий его обязанности.

Сыскное отделение создали всего с месяц назад, и должность начальника отделения пока что оставалась вакантной. Кронштадт – город военный. У нас каждую серьезную должность надо вначале по всяким министерствам согласовать. Зато инспектора прислали чуть ли не в первый же день. Вот ему заодно и вручили бразды правления, пока настоящего начальника утвердят, и уже в качестве начальника отделения Вениамин Степанович мог бы принять самое деятельное участие в расследовании.

Увы, все мои доводы оказались тщетны. Инспектор остался непоколебим.

НА МОЙ ВЗГЛЯД, у сыска и воздухоплавания есть одна общая черта – успех во многом зависит от предварительной подготовки. Слишком уж велика цена ошибки. Импровизация по месту, конечно, штука хорошая, да только с ней, как говорится, раз на раз не приходится.

Вон, к примеру, этим летом дирижабль в воздухоплавательном парке испытывали. Мотор в полете отказал, и как ни импровизировали пилоты, а несколько заводских труб посшибали. Повезло еще, что летуны были люди военные и при исполнении, а то бы за такую импровизацию заводские им бы бока-то намяли. Обратно свой дирижабль они, точно бурлаки на Волге, доставляли волоком.

Поэтому, оставив барышню на попечение Семена, я первым делом отправился провести Клауса Францевича.

Его практика располагалась рядом с полицией, в соседнем доме. Я прошел через двор. Так короче, хотя нельзя сказать, что удобнее. После дождя двор больше напоминал озеро. В дальнем углу, подобно серым карельским скалам, вставала у стены помойка. Над ней вились чайки. В отдалении рядком сидели голуби – ждали своей очереди. Высоко в небо ударил и тотчас пропал луч света. Вначале я подумал, что это пожарники всё еще пытались наладить свой прожектор, но потом решил, что нет, это где-то дальше.

Поднявшись на второй этаж, я старательно вытер ноги и только после этого позвонил. Доктор, по счастью, не был занят.

– Ох, Ефим, – приветствовал он меня. – Я ведь сказать вам: оставаться в тепле.

– Что поделаешь, Клаус Францевич, служба, – развел я руками.

Он покачал головой и пригласил меня в свой кабинет. Тот больше походил на рабочее место естествоиспытателя, а уж ряд черепов за стеклом и вовсе должен был отпугнуть от доктора любого случайно заглянувшего к нему больного. Ан нет! Клаус Францевич имел такую обширную практику, что мог позволить себе снимать квартиру на Николаевском проспекте. Доктором он был отличным, и всё же главной его страстью были всякие легенды да сказания.

Клаус Францевич ими полжизни занимался. Собственно, он и в Кронштадт-то приехал в погоне за какой-то легендой, да так и остался. Сам же доктор рассказывал, что по большому счету свои тайны в каждом приличном городе есть – где-то забавные, а где-то зловещие, со всякими мертвецами – и только у нас, мол, в России они все исключительно добрые. Не иначе, молитвами отца Иоанна.

Увы, смерть Золотова-младшего в эту благостную картину никак не вписывалась.

– Я так понимать, – вздохнул доктор. – Вы прийти спрашивать меня о бедный мальчик? Я очень его жалеть.

Он сокрушенно вздохнул.

– В общем, да, – ответил я. – Скажите, Клаус Францевич, не заметили ли вы на теле следы побоев?

– Нет, Ефим, – доктор покачал головой. – Никакой следы. Только есть ссадина на левом колене, и я полагаю тут след падения. Больше ничего.

Другими словами, доказать факт избиения юноши его отчимом не получится.

– Ладно, тогда второй вопрос, – продолжал я. – Точнее говоря, мне нужна ваша консультация по поводу одной легенды.

– Вот как? Слушаю вас, Ефим, – сразу оживился доктор.

Я пересказал ему ту сказку, что поведала нам барышня. Клаус Францевич слушал молча и очень внимательно. Когда я закончил, он покачал головой и сказал:

– Удивительно.

– Не то слово, – хмыкнул я. – Но вот какая штука, Клаус Францевич. Я всегда считал, да и вы говорили, что тайнами окутаны старинные строения, а тут строение, так в старину и не построенное. Какая-то неправильность получается, вы не находите?

– Здесь всё есть неправильность, – уверенно заявил доктор. – Весь ваш рассказ.

– Доктор, я весь внимание, – сказал я.

Клаус Францевич, оседлав любимого конька, погнал на нем далеко и всерьез, но мне всё же удалось удержать беседу в рамках следствия. Легенда действительно существовала, но, по версии доктора, выглядела она значительно короче и куда как прозаичнее. Мол, если заблудиться в Кронштадте, то есть призрачный шанс эту арку увидеть.

– И что дальше? – спросил я.

– Дальше – всё, – сказал доктор. – Только шанс увидеть мечта великий Пётр.

– Не густо. И многие ее видели?

– Я, увы, не знать ни один случай, – с искренним сожалением сказал доктор. – Ваш Кронштадт нельзя заблудиться. Негде! Я пробовать!

– Но откуда-то же пошла эта история, – не сдавался я.

– Я не знаю, Ефим, – вздохнул доктор. – Предполагать: это быть пьяный матрос.

Да уж, когда эта публика начинала чудить, куда там какой-то нечисти! Вон, три года назад матросы чуть по камушку Кронштадт не разнесли. Войска пришлось вызывать.

– То есть никакой арки нет и быть не могло? – констатировал я.

– Я этого не говорить, – неожиданно возразил доктор. – Легенда быть. Возможно, пьяный матрос заблуждаться и видеть. Но всё остальное – шелуха. Вы говорить, это говорить Мартын? Так я вам говорить – он много сочинять красивый сказка для барышня.

– С него станется, – согласился я. – А скажите-ка, Клаус Францевич: наш покойный был пьян?

Это, по словам доктора, было маловероятно. Однако столь же маловероятной представлялась ему и способность юноши проплыть под аркой. То, что он не пловец, это я заметил, еще когда его из канала вытаскивал, но вдобавок у Андрея не были развиты нужные мышцы. Клаус Францевич вообще удивлялся, как тому удалось продержаться на воде хотя бы до моего появления. Разве что с перепугу. Тогда – такое в практике доктора случалось неоднократно – человек задействовал скрытые резервы и совершал то, что обычно ему не под силу.

– Я так, Ефим, думать. Юноша потерять свой рассудок, – констатировал Клаус Францевич. – В таком состоянии он, конечно, мог увидеть не то что арку, но и самого Петра Великого.

– Клаус Францевич, – сказал я. – А нельзя ли определить, с чего это он так внезапно с реальностью раздружился?

– Так скоро я сказать не могу, – ответил доктор. – Я могу предполагать. Юноша слаб. Как вы говорить... хилый.

– Так жизнь у него была непростая, – философски заметил я.

Доктор аж фыркнул от возмущения.

– Непростой жизнь?! Как вы можете так говорить, Ефим?! Он жить в красивый город, в небедный семья. Ваша страна быть велик и богат. Он иметь свой молодость. Он жаловаться?! Ох, Ефим. Я быть военный врач. Мы строить новый страна и воевать Австрия, Бавария, Франция, – перечисляя, доктор резко загибал пальцы на левой руке. – Я в его возраст уже идти в битва при Кёниггреце! Вы, Ефим, не видеть война в глаза, и это есть большое счастье. А я видеть, как такие мальчик сражаться и умирать, когда австрийцы хотеть сбрасывать наша

дивизия в река! Я лечить один, а рядом страдать и умирать еще пять. Вот они имеют непростой жизнь! Они, а не он!

– Полностью согласен с вами, Клаус Францевич, – сказал я. – Жаль, что он не понял этого раньше.

Доктор согласно кивнул и проворчал что-то на немецком. От вознаграждения за консультацию он отказался:

– Ох, Ефим, я есть врач. Я не брать деньги здоровый человек. Я брать деньги больной. И я вам сказать прямо: как вы относиться свой здоровье, я скоро получать мой гонорар.

Я заверил доктора, что при таком подходе не видать ему моих денег как своих ушей, и откланялся.

ЛАВКА КУПЦА ЗОЛОТОВА располагалась в самом конце Осокиной площади. На вывеске значилось «Магазин посуды». Дверь открывалась так туго, как будто посетителям здесь были вовсе не рады. Однако за дверью действительно располагался магазин.

Всякой кухонной утвари тут было просто завались. Вдоль трех стен от пола до потолка стояли стеллажи с посудой. Перед ними выстроились прилавки со всякой кухонной мелочёвкой. Когда мы с Маргаритой Викторовной вошли, из-за центральной витрины вынырнул приказчик. То, что это не купец, я понял сразу. Слишком неуверенно он держался.

Это был маленький худенький человечек, который, если бы не борода, сошёл бы за подростка. Поверх белой рубахи он накинул безрукавку – такую потертую, что я совершенно не представлял ее на человеке купеческого сословия.

Бросив на меня один-единственный испуганный взгляд, человечек пробормотал:

– Чего изволите?

Он это произнес таким тоном, как будто спрашивал: «Бить будете?» Потом, заметив за моей спиной Маргариту Викторовну, малость просветлел лицом. Наверное, еще и добавил про себя: «Слава богу, не покупатели».

– Здравствуй, Антип, – сказала барышня и, сразу подтвердив мои предположения, представила нас: – Это наш приказчик, Антип. А это – Ефим Родионович из сыскальной полиции.

Приказчик обратно спал с лица, пробормотав в витрину что-то вроде:

– А я что? Я ничего.

Не иначе, приворовывал.

– Дядя еще не ушёл? – спросила Маргарита Викторовна.

– Ушёл, – отозвался Антип.

Барышня кивнула.

– Может, оно и к лучшему, – сказала она и легко сбросила с плеч пальтишко, которое нашел ей Семен. – Ефим Родионович, не угодно чаю?

– Нет, спасибо, – отказался я. – Некогда нам чаи гонять. Если не возражаете, я бы пока осмотрел комнату вашего брата.

– Да, конечно, – снова кивнула она. – Сюда, пожалуйста.

Мы поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Ступеньки тихо поскрипывали под ногами. Вдоль второго этажа шел коридор. Из широкого окна в него падал утренний свет. Окно было забрано решеткой. Справа в ряд выстроились три двери.

– Тут дядина комната, – сказала барышня, проходя мимо первой.

Я подергал за ручку. Дверь оказалась заперта.

– Тут комната Андрея, – сказала барышня, остановившись у второй. – А моя там, дальше.

Она открыла дверь, заглянула внутрь и кивнула сама себе.

– Всё пристойно, – сказала барышня мне. – Проходите, Ефим Родионович.

Я вошёл. Комнатушка была маленькая, а большое количество мебели делало ее еще меньше. У одной стены стояла кровать и, ближе к окну, стол с парой стульев. Стол был завален книгами и бумагами. Над ним висела лампа. С другой стороны выстроились три шкафа:

один с одеждой и два с книгами. Я прошелся взглядом по корешкам. Какой-то системы в расстановке книг не было. Тоненькие брошюры соседствовали с толстыми томами, а учебники с беллетристикой.

В бумагах на столе царил такой же бардак. Тут были выписки из учебников и выступлений адвокатов, снабженные коротенькими пояснениями, расписания занятий и движения пароходов до Ораниенбаума, перечень книг по юриспруденции и даже стихи. Последние все без исключения были о любви и все – отвратительные. Что-то в духе: «Заяц грыз свою морковь, а ко мне пришла любовь». Буквы были мелкие и угловатые. Точь-в-точь такие, как на картинке с аркой.

На всякий случай я уточнил у барышни:

– Это написал ваш брат?

Маргарита Викторовна криво усмехнулась и кивнула.

– Да, он. Нашёл себе зазнобу.

– А кто она? – спросил я.

В этот раз барышня равнодушно пожала плечами.

Я еще покопался в ящиках стола. Там тоже без всякой системы были напиханы тетради, учебники и отдельные бумаги. Предсмертной записки – даже ее черновика – я не нашел. По всей видимости, Андрей Золотов действительно не планировал утонуть. В дневнике – я нашел его в самом нижнем ящике стола – он даже строил планы на будущее. Планы были такие же сумбурные, как и всё вокруг.

А еще я нашел между страниц дневника фотографию Катерины Фроловой. Девушка приветливо улыбалась. На оборотной стороне было чисто.

– Вот оно как, – шепотом отметил я.

А ведь Андрей Золотов полностью подходил под описание Матвеева. Я аккуратно вложил фотографию обратно в дневник и убрал его в ящик стола.

Внизу звякнул колокольчик.

– Полагаю, это ваш отчим, – сказал я.

– Или покупатели, – возразила барышня и, всплеснув руками, добавила: – Ох, Ефим Родионович, простите, я за горем совсем запамятовала. Дядя сегодня собирался по делам отъехать. Наверное, уже уехал.

– Вот как, – отозвался я. – Да, жаль, что вы не вспомнили об этом раньше. Но, по крайней мере, мы теперь можем предполагать, что именно означает сегодняшняя дата на рисунке. Кот из дома, мышки в пляс...

Барышня ответила осуждающим взглядом. Я извинился. Она кивнула и сказала, что если она мне не нужна, она бы вышла к покупателям. По ее словам, из приказчика продавец, как из коровы балерина. Я усмехнулся и ответил, что уже закончил обыск.

По лестнице мы спустились вместе. Внизу я чуть было не споткнулся о чемодан. Рядом с ним стоял саквояж, а поверх них обоих лежал зонт.

– Так, а это еще что? – строго спросил я у приказчика.

С его состоянием духа меня бы не удивил ответ: «Да вот, магазин грабанул, а вынести вещи не успел», но всё оказалось более прозаично.

– Ах, это дядино, – ответила вместо него барышня. – Неужели вернулся? Может, забыл чего?

– Было бы очень кстати, – сказал я. – Что ж, придется ему задержаться.

– Это еще почему? – раздался за моей спиной густой бас.

Я обернулся. Позади лестницы стоял здоровенный мужчина в черном пальто. Первый взгляд он метнул на барышню, второй – на меня. Оба они были далеки от симпатии.

– Ну и где ты шлялась? – буркнул он, делая шаг вперед.

– Дядя... – начала барышня, но тот не дал ей договорить.

– Что «дядя»?! Совсем распустилась! Шляется пёс знает где, пёс знает с кем. Вот сейчас всыплю обоим, да так, что мало не покажется!

Он замахнулся кулаком.

– Не советую, Артем Поликарпыч, – начал я. – Во-первых, я дам вам сдачи и мало не будет, а во-вторых, само по себе нападение на сотрудника полиции при исполнении – очень серьезное правонарушение.

– Полиции? – озадаченно протянул купец; его кулак опустился. – Эво оно как. Чем обязан?

Я собрался было произнести кратенькую речь, которую подготовил по дороге – новость-то из печальных, но барышня меня опередила:

– Дядя, Андрей мёртв.

Готов поклясться: первое, что промелькнуло в его глазах – это радость. Потом он начал кричать. Мол, как допустили, почему не уследили и тому подобное. Я мысленно дал ему на этот концерт пять минут, и купец аккуратнo в них уложился. Откричавшись, он шумно выдохнул и спросил, как оно приключилось. Я вкратце обрисовал ситуацию.

– Самоубийство, значит, – вздохнул он. – Нехорошо это. Батюшка наверняка отпевать откажется, в расходы введет... А ты что же за братом не углядела?!

Последнее относилось уже к барышне.

– Я старалась, – ответила она, виновато опустив глаза.

– Старалась она, – фыркнул в ответ купец. – Вижу я, как ты старалась! Бездельница!

– Вы, Артем Поликарпович, лучше ответьте, куда сами смотрели, – поинтересовался я.

– А я что? – переспросил он. – А что я?!

И снова начал кричать. Опять уложился в пять минут, в ходе которых я узнал, что он, оказывается, день и ночь в трудах и заботах. Средства детям выделял, учителей нанимал, в общем, он решительно отказывался понимать, в чём его можно упрекнуть. При этом купец постоянно пожимал плечами, да так забавно – начинало левое, а потом правое подпрыгивало за ним вдогонку. Где-то я это уже видел. Почти вспомнил, но Маргарита Викторовна меня с мысли сбила:

– Я пока поднимусь к себе, переоденусь, – спокойно сказала она.

Ей определенно подобные шумные сцены были не в новинку. Купец ее уход проигнорировал. Я ждал, пока он выдохнется, и тут меня осенило. Точно так же пожимал плечами здоровяк в пальто на свидании с Катериной Фроловой.

– Артем Поликарпыч, – произнес я, когда купец начал выдыхаться. – Давайте-ка ближе к делу.

Он хмуро посмотрел на меня, но кричать перестал.

– Давайте, – бросил он и прошел в глубь магазина, на ходу скидывая пальто.

Сзади подскочил приказчик. Он вскинул руки, и хозяйское пальто накрыло его с головой. Как бедняга не упал, я так и не понял. Не иначе, опыт. Так и не высунув нос наружу, приказчик переместился ближе к вешалке, встрепенулся, и через секунду пальто уже висело на крючке. Купец тем временем открыл дверь позади прилавка.

– Прошу, – коротко буркнул он и первым шагнул внутрь, так что было непонятно: мне это он или самому себе.

Я проследовал за ним. За дверью оказалась комната, по всей видимости, служившая конторой. Чуть ли не половину всего пространства занимал большущий стол с письменным прибором и целой стопкой папок для бумаг. Вдоль стен выстроились шкафы. Дверцы на всех были деревянные и запирались на ключ. По крайней мере, замочную скважину я заметил на каждой без исключения.

Купец бухнулся на стул. Тот жалобно скрипнул под его весом. Я, не дожидаясь приглашения – оно, похоже, всё равно не последовало бы, – сел на второй. Купец молча уставился на меня.

– Что ж, – сказал я. – Во-первых, конечно, позвольте выразить вам сочувствие с таким горем...

Он коротко кивнул и совсем по-деловому добавил:

– Ты давай действительно ближе к делу.

– Извольте, – согласился я. – Вы, кстати, куда собирались?

– В Москву, – недовольно проворчал в ответ купец.

– Надолго?

– На месяц. Чего туда-сюда по каждому вопросу каждый раз мотаться? Сниму комнату, поживу там, пока всё не улажу. Здесь пока Маргаритка за делами присмотрит. Хотя теперь-то какая уж тут поездка.

– Это верно, – согласился я. – И я настоятельно прошу вас Кронштадт до окончания следствия не покидать.

– Не бойсь, не сбегу, – буркнул купец. – Давай к делу.хлопот мне прибавили, а день, чай, длиннее не стал.

Пару вариантов нашего разговора я подобрал заранее, но ни один не казался мне подходящим, и я решил всё-таки симпровизировать.

– Скажите, Артем Поликарпыч, в каких отношениях вы состояли с Катериной Фроловой?

– Ты Катюшу не замай! – снова взвился купец.

Грохнув сразу обоими кулаками по столу, он вскочил на ноги и начал орать, что не позволит кому ни попадя совать свой нос в его дела. Чуть на меня не бросился. Я даже пожалел, что револьвер с собой не взял. Он – кабан здоровый, а комнатуха маленькая. Тут не развернешься. На мое счастье, купец больше по крику специализировался. Высказавшись, он устало плюхнулся обратно на стул. Тот снова скрипнул.

– Это – мое личное дело, – объявил купец напоследок.

– Преступление – деяние общественное, – поправил я его, ловко ввернув услышанную недавно цитату от инспектора. – А Фроловых обокрали.

Здесь я ожидал нового взрыва с криками, однако купец только покачал головой.

– Эво оно как. А я-то думал, чего она меня не привечает как раньше, в дом не приглашает. Уж грешным делом подумал – разлюбила, – тут он вновь начал закипать: – Только не говорите, будто бы меня подозреваете. Я человек не бедный, сами видите. Да я ей сегодня же весь убыток покрою!

Я окинул взглядом скромную конторку и, честно говоря, признаков богатства не усмотрел. Впрочем, под описание вора он всё равно походил мало, в отличие от его племянника. А ведь счастливый соперник в любовных делах мог оказаться вполне себе мотивом для убийства, ничуть не хуже двадцати пяти тысяч.

– Не бедный, говорите, – протянул я, собираясь с мыслями. – А вот по нашим сведениям племянники ваши далеко не шиковали.

– А что их баловать-то? – пробасил в ответ купец. – В черном теле, чай, не держал. Выучил обоих. Андрей в институт пошел, а там, думаете, юристов за спасибо растят? Нет, только и успевай денежку выкладывать. Я уже сам подумываю книжную лавку открыть. А Маргаритка наша? Хотела научиться рисовать – нанял учителя. Четыреста рублей содрал, мазила хренов, а она бац! Передумала. Решила податься в машинистки, – последнее слово он сказал как сплюнул. – Но я опять препятствий чинить не стал. В делах, чай, пригодится, да только пока одна инвестиция получилась. Польза еще когда будет, а деньги уже сейчас – вынь да положь! И никуда не денешься. Время сейчас такое. Везде своя наука требуется. А что, ее даром на углу раздают?! Нет, все эти студенты или при деньгах должны быть, или работать вечерами.

– Ваши, как я понимаю, работали, – сказал я. – Только вы им, как нам известно, за работу не платили.

– Не платил, – неожиданно не стал отпираться купец. – Деньги-то им на что? На всякие расходы мелкие, а на то я и так давал. Каждый месяц давал.

– А им хватало?

– Ну мил человек! – даже удивился он. – Деньги – это ж такая вещь, которой завсегда мало. Хоть мульён дай – мало будет. Промотать – дело не хитрое.

– Что ж, неужели так много проматывали? – как можно небрежнее осведомился я.

– Да не так, чтобы слишком, – признал купец. – Только вот Андрей последнее время в карты играть повадился. Хоть и по маленькой, а деньга всё одно улетала.

Я малость прищурился.

– Вы, я вижу, даже в курсе, по каким он ставкам играл?

– Так должен быть, – развел руками купец. – Они ж на моем попечении оба. Да и ходил он к Мартыну, я того как облупленного знаю. Заходил на днях к нему. Просил, чтоб Андрея моего от своего клуба отвалил. А то я не знаю, что у него за клуб такой. Жулик на жулике, и Мартын у них главный пройдоха! Только лыбится, змей, всю дорогу, а как по делу заговорили, так с места не сдвинешь. Мол, насильно он никого за шкирку играть не тащит, но и двери у него, мол, для всех открыты. Вот кого ловить надо, а не со мной тут лясы точить!

– Придет время, до всех доберемся, – заверил я. – А здесь мы не лясы точим, как вы изволили выразиться, а проводим следственную работу.

– Что-то не вижу пока никакого следствия, – с некой долей язвительности пробасил купец.

Не иначе, уверенность обрел. Это он зря. Хотя, быть может, это я зря позволил ему опраться.

– Желаете следствие? – спросил я. – Извольте. Самоубийство вашего племянника уж больно подозрительно выглядит.

Тут купец прищурился. Глазки щелочками стали, на скулах желваки заиграли. Сразу понял, куда я клонить собираюсь.

– Никак убийство подозреваешь?

– Именно, Артем Поликарпович, – заверил я. – Есть подозрение, что не так всё просто в этом деле. Вот скажите, кому смерть Андрея была выгодна?

Купец огляделся, словно ожидал увидеть убийцу в своей конторке. Жаль, зеркала там не было.

– Кому? – буркнул купец.

– Так вот ведь и выходит, что более всех вам. Во-первых, по достижении восемнадцати лет вы должны были выплатить Андрею двадцать пять тысяч.

– И что? – перебил купец. – Должен был, уплатил бы. Я сам полмилльёна стою. У меня деньги на обоих в банке лежат, в дело просятся, а не трогаю.

– Как вы сами недавно сказали, – спокойно продолжил я, – денег много не бывает. Хотя в этом плане у них свой плюс всё-таки есть. Их поделить можно. А вот Катерину...

Наверное, надо было завернуть к этой новой версии как-нибудь поделикатнее, а я поторопился. Вскочив на ноги, купец метнул в меня папку с бумагами. Я едва увернулся. Удачно, кстати, поскольку вслед за папкой Золотов сам на меня бросился. Я рефлексивно ногой пихнул вперед свободный стул. Купец налетел на него и вместе с ним рухнул на пол. Стул с громким хрустом приказал долго жить.

– Убью! – проревел купец и начал подниматься.

Я смахнул на него со стола все папки. Купец зарычал, поднимаясь на четвереньки, и отряхнулся, точь-в-точь как собака. Бумаги разлетелись по всей комнате.

– Буйствовать изволите? – осведомился я. – Это вы напрасно.

– В шею! – прохрипел купец. – В шею гнать! Хлыщ поганый! Убью!

Я понял, что беседа расклеилась окончательно, и вышел, громко хлопнув за собой дверь.

– Дядя опять сердится? – донесся откуда-то сверху ангельский голос.

Маргарита Викторовна стояла на самой верхней ступеньке. Она уже успела переодеться в золотистое платье с кружевами и взирала сверху, словно опечаленный ангел.

– Похоже на то, – признал я. – Извините.

– Да бог с вами, Ефим Родионович, – барышня развела руками. – Дядя от любой искры готов вспыхнуть. Да вы и сами видите, что он за человек.

– Вижу, – согласился я. – На сопротивление властям это пока не потянет, но, в принципе, задержать его можно. Пока не остынет.

– В дверь еще бьет? – спросила сверху Маргарита Викторовна.

– Нет.

– Значит, уже остыл, – вздохнула барышня. – Спасибо вам, Ефим Родионович, но пусть он лучше там сидит. Он оттуда добрее выйдет, чем из камеры.

– Вот как? – ответил я. – Что ж, пусть остывает, а мне, Маргарита Викторовна, кое-что проверить надо. Прогуляетесь со мной?

На ее лице отобразилась неуверенность.

– Простите, Ефим Родионович, думаю, сейчас я буду нужнее здесь, – сказала она. – А за меня не беспокойтесь. Дядя уже на вас всех собак спустил, теперь он до завтра не опасен. Ступайте смело.

Честно говоря, не хотелось оставлять ее одну с этим башибузуком – на приказчика надежда слабая, – но барышня уверила меня, что с ней всё будет хорошо. Купец, конечно, будет ворчать, но к этому она уже привыкла, а до рукоприкладства дело не дойдет как минимум до завтра. Завтра же, если я проявлю должную расторопность в расследовании, купец уже должен будет сидеть в камере и ждать передачи его дела в суд.

Последнее меня слегка успокаивало, и всё же я покинул магазин с мыслью, что ни как сыщик, ни как рыцарь я сегодня что-то явно не на высоте.

ЗАВЕДЕНИЕ МАРТЫНА Я знал хорошо. Бывший моряк устроил что-то вроде «аглицкого клуба», на который быстро наложились российские реалии. Сейчас это был, скорее, ресторан. Далеко не из дешевых, но с приличным обслуживанием, отчего у Мартына предпочитали обедать те, кто не считал в кармане каждый рубль. А еще те, кто после еды был не прочь перекинуться в карты. Мартын никого не гнал, лишь бы они – это уже на французский манер было заведено – каждые полчаса хоть чего-нибудь, да заказывали бы.

До обеда время еще было, и посетителей, соответственно, почти не было. Я едва успел оглядеться, как рядом будто из ниоткуда возник официант. Выглядел он так, как не стыдно было бы выглядеть какому-нибудь чопорному англичанину. Не в смокинге, конечно – вместо него была аккуратная черная жилетка – но всё остальное – рубашка ослепительной белизны, брюки со стрелочками и лакированные туфли – куда больше подошли бы посетителю ресторана. Скажу даже больше: не каждому посетителю этого заведения удавалось похвастаться таким европейским шиком.

– Мартын у себя? – спросил я.

– Хозяин вышедши, – ответил официант, вложив в два слова столько провинциального акцента, сколько обычному провинциалу хватило бы на целую речь.

– Я подожду.

– Что заказывать будете?

– Свежие газеты и кружку горячего кофе.

Уточнять, что кофе должен быть по-настоящему горячим, у Мартына не требовалось. Когда я снял плащ, мой заказ уже ждал на столике. Прихлебывая обжигающий кофе, я бегло пролистал газеты, но ничего интересного на глаза не попало. Международный перелет воздушных шаров официально закончился. В Берлине – точнее, под городом – благополучно финишировали одиннадцать экипажей. Еще трое потерпели крушение. Где до сих пор болтались остальные – газетчики не знали, и их это нисколько не волновало.

– Надо же, – раздалось под самым ухом, – как летит время.

Рядом со мной стоял Мартын. Когда в детстве я зачитывался английской книжкой про Остров сокровищ, то тамошнего Джона Сильвера представлял именно в его облике. Правда, нога у Мартына была только сломана, но так неудачно, что он всё равно ходил с костылем.

– Да-а, – продолжал тем временем Мартын. – Был Ефимка – да весь вышел. Ефим Родионович, агент сыскной полиции. А давно ли бил мне стекла из рогатки?

– Во-первых, давно, – ответил я. – Во-вторых, здравствуйте.

– Здоров будь, – сказал Мартын, устраиваясь на стуле напротив. – Откушать пожаловал, или по делу купца Золотова?

Я хмыкнул. Слухи, конечно, у нас разносятся быстро, но чтоб настолько...

– Про купца-то откуда знаете?

– Видел случайно, как ты из его лавки выходил, – пояснил Мартын. – Про твою службу слышал, а сейчас зеленщик рассказал, будто бы племянш Золотова в канале утоп. Я, конечно, не агент, – он произнес это слово с ударением на «а». – Но сложить одно с другим сумею. Помнишь, как тебя с рогаткой вычислил?

– Вы мне до самой смерти напоминать об этом будете? – фыркнул я.

– А мне, старику, одни воспоминания и остались, – развел руками Мартын. – Как кофе?

– Отличный, – похвалил я.

– Это хорошо. А то привезли мешок из Голландии, хвастались, будто самый что ни на есть замечательный, только я ведь был в тех краях. Не растет там кофе. Вот и решил проверить. Стало быть, можно брать.

Я усмехнулся.

– Ладно, будем считать, что кофе проверить я вам помог. Теперь за вами очередь.

Мартын издал звук, который – будь он раз в десять тише – можно было бы окрестить хмыканием.

– А палец тебе, как и раньше, в рот не клади. Хорошо, Ефимка, то есть, прости старика, Ефим Родионович, с чем пожаловал?

Взгляд у Мартына стал внимательный, с прищуром, будто что-то внутри меня высматривал. Почему-то в детстве мне всегда казалось, что такой взгляд только у пиратов может быть, чтобы добычу в чужих трюмах видеть. Однако, поступив на службу, я быстро убедился, что таким хищным прищуром каждый второй чиновник похвастаться может.

– Скажите, Мартын, вы племянника Золотова – Андрея – хорошо знали?

– Да как тебе сказать? – Мартын задумчиво огладил реденькую бороденку. – Бывал у меня регулярно, но общаться мы почти не общались. Здравовался он всегда вежливо. Вот «до свидания» забывал говорить. Кушать редко заказывал. Цены, мол, у меня кусаются. А сам пятьдесят рублей за раз в карты спустить мог. Нет, не скажу, что он мне нравился. Вот сестренка у него – умница, а он – нет.

– Сестренка? Вы говорите о Маргарите Викторовне?

– А других вроде и не было.

– Ага, – я задумчиво потер подбородок. – Ну, в отношении нее наши взгляды совпадают. Кстати, она говорит, будто бы вы ей легенду про Петровскую арку рассказывали.

– Я рассказывал? – переспросил Мартын. – Хотя постой-постой. Было такое дело. Она же тут вместе с братом бывала, смотрела, чтобы не заигрывался особо, но сама-то не играла. Чего

ей за чашкой чаю скучать одной? Вот по случаю и травил ей всякие байки. Про русалок, про чудеса морские, про маяк этот петровский. Наверное, раза два или три про него пересказывал, ну так это ей-то, барышне, интереснее, небось, чем про девок морских.

Отхлебнув из чашки – уж не знаю, откуда он на самом деле, но в тех краях действительно знали толк в хорошем кофе, – я продолжил:

– Значит, рассказывали Маргарите Викторовне. А ее брат мог слышать ваш рассказ?

– Так он рядом сидел, – неспешно отвечив Мартын. – А слушал или мимо ушей пропускал, этого тебе сказать не могу.

– По всему выходит, что слушал, – сказал я. – Что ж, с этим ясно. Значит, говорите, Маргарита Викторовна за братом постоянно приглядывала?

– Получается, так. По крайней мере, последнее время – точно. Он ведь тут, помнится, как-то в дым проигрался. На тридцать тысяч в долг.

– Вот те раз! – удивленно протянул я. – Было с чего канал прыгать.

– Да нет, с того раза не было. Тут такое дело, шулер у меня завелся, – Мартын произнес это так, словно речь шла о тараканах. – И давай внаглую гостей раздевать. А у меня так дела не делаются. Он сыграл да сбежал, а у меня клуб, репутация. В общем, попросили его вон через черный ход.

– Не убили? – без особого интереса спросил я.

– Да нет, что ты. Так, ребра малость посчитали.

Я недоверчиво покачал головой.

– Проверить можешь, – ничуть не обиделся Мартын. – Я тебе по книге посмотрю, какого числа то было, а ты потом на пароходе сверишься. Когда тело грузили, оно еще материлось.

– Если материлось, значит, живое, – согласился я. – А дальше что было?

– Ничего. Деньги проигравшим вернул всё до копейки, и всего делов. Зла никто на меня вроде не затаил.

– Андрею тоже?

– Конечно. Как сейчас помню, две расписки было – на десять и на двадцать тысяч. Я лично обе Маргарите и отдал с извинениями. Они тогда оба заходили, ну я и улучил момент, чтобы он не видел.

– А почему? – не понял я.

– Потому что у него глаза горели, – пояснил Мартын. – А скажу тебе, Ефимка, если у игрока глаза горят, так он до последней копейки отыгрываться будет. Только не отыграется. Азарт в этом деле только помеха. Вот, очень кстати, полюбуемся, – он с недовольным лицом кивнул в сторону дверей.

Я повернул голову. У дверей робко жался оборванец. Явно не из тех, по кому здешние цены.

– Купчик, между прочим, – бросил Мартын. – Тоже в дым проигрался, и всё отыгрываться ходит. Рубль где-то наскребет, кваса стаканчик закажет и, пока не вышвырну, так и сидит.

Рядом с оборванцем нарисовался официант. Казалось, еще секунда, и вылетит купчик за дверь, ее же головой открыв, но политика открытых дверей у Мартына соблюдалась неукоснительно.

– Деньги есть? – строго спросил официант.

Купчик согласно закивал и получил разрешение пройти. Точнее, просеменить, оглядывая посетителей просящим взглядом. Мол, не дадут ли монетку.

– Погодите-ка, – сказал я. – А я его этим утром видел.

Мартын тотчас щелкнул пальцами. Официант сгреб купчика за шиворот, и спустя буквально секунду тот уже сидел у нашего столика. Не за ним, но рядом. Надо бы этого официанта к нам в полицию переманить.

Купчик, скромно потупив глаза, молча ждал. Мне даже жалко его стало, столько покорности в человеке было. С Золотовым бы поделился, что ли.

– Вы не бойтесь, – сказал я. – Вы меня помните? Мы встретились сегодня утром у Гостиного двора.

– Простите, батюшка, запямятовал, – пробормотал купчик, даже не взглянув на меня.

Ну да ладно, не это главное.

– Не страшно. Вы шли от Андреевского собора. Так?

– Воля ваша...

– Да или нет?

Уразумев, что это был вопрос, купчик четко ответил – нет. Шел он от канала. На Екатерининской увязался за молодой парой. Тут купчик долго и чуть не со слезой стал уверять, что ничего дурного не имел в виду. Пришлось Мартыну на него рявкнуть. По описанию пара была очень похожа на Золотовых.

– Спешили они очень, – оправдывался купчик. – Еле догнал.

– Зачем? – спросил я.

– Так денежку малую попросить. Поиздержался я.

– Дали?

– Да. Барышня расщедрилась, двугривенным пожаловала.

Что было дальше, он, увы, не видел. Зажав монету в кулаке, он побежал отыгрываться, но никого из игроков в столь ранний час не застал.

– Батюшка, ссудили бы гривенничком, – жалобно попросил купчик. – С утра маковой росинки во рту не было.

– Не давай, – сказал Мартын. – Проиграет всё.

Я немного поколебался, потом дал гривенник официанту.

– Дай ему чего-нибудь перекусить.

Тот глянул на Мартына, получил утвердительный кивок и исчез, точно джинн арабских сказок. Купчик, получив разрешение, понуро побрел следом.

– Так на чем я остановился? – спросил я. – Ах да. Золотов-младший, стало быть, с тех пор проигрывался не так сильно?

– И рядом не стоял, – уверенно заявил Мартын. – Маргарита его прямо в ежовых рукавицах держала. В игру, конечно, не лезла, но контролировала жестко. Игроки, бывало, посмеивались, но лишнего себе никто не позволял.

– Стало быть, перед тем, как в канал прыгать, шансов наделать серьезных долгов у него не было?

– В моем заведении – точно нет. Если кому и должен по мелочи, то там не рубли – копейки. А он, получается, сам прыгнул?

– Сам, – сказал я. – Вроде как поверил он в вашу байку про маяк петровский. Мол, проплывет он под ним, и путь правильный увидит, и еще какие-то блага урвет. Какие, кстати?

– Да какие там блага? – искренне удивился Мартын. – Это ж маяк, Ефимка. Он только путь указывает. Ты ж сам кронштадтский, такие вещи знать должен.

Я кивнул и оглянулся. Купчик, забившись в угол, торопливо хлебал борщ. Ложка так и летала вверх-вниз. Должно быть, полученный утром от барышни двугривенный пошел на другие цели. С этой мыслью я распрощался с Мартыном и вышел из ресторана.

НА УЛИЦЕ ОПЯТЬ моросило. Я поднял воротник плаща и быстро зашагал по мостовой. Поначалу возникла идея прямоком отправиться к Фроловым и побеседовать еще раз с Катериной о ее ночных визитерах, чьи имена теперь были мне известны, однако я задумался, и ноги сами принесли меня на угол канала.

На первый взгляд, уже ничто не напоминало о недавней трагедии. Зеваки давно разбрелись. Вещи Андрея прибрали и доставили к нам в полицию. Вдали, сразу за воротами канала, ударил в небо и тотчас исчез луч света. Будто молния снизу-вверх сверкнула. Кто-то там продолжал бороться с прожектором, найдя в лице осветительного прибора достойного противника по части упрямства.

И всё же что-то здесь еще оставалось. Что-то крутилось у меня перед самым носом, точно назойливый комар. Я это нутром чувствовал, но никак не мог ухватить. Остановившись там, где я впервые увидел Маргариту Викторовну, я еще раз окинул взглядом всю панораму.

Разгадка должна была быть где-то здесь. Мое чутье сыщика подсказывало мне, что чутью Вениамина Степановича можно было доверять, а ему вполне хватило рассказа об утреннем происшествии, чтобы уверенно заявить – тут произошло убийство. Я такой уверенности по-прежнему не испытывал, но и сдаваться – как тот неведомый мне механик с прожектором – не собирался, а потому снова и снова прокручивал в голове моё утреннее купание, пристраивая по местам каждую мало-мальски значимую деталь.

Получалось, честно скажу, с большим трудом, а потом меня и вовсе отвлекли.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. Мимо проходила Катерина Фролова. Я окликнул девушку, и та остановилась.

– Ох, это вы, господин агент? – громко воскликнула она. – Ну как, нашли уже наши ложечки?

– Пока нет, но я близок к разгадке, – заверил я ее. – И был бы еще ближе, если бы вы честно отвечали на мои вопросы.

– Ох, скажите, пожалуйста! Это когда я вас обманывала?!

– Вы не обманывали, но и не договаривали, а молчание в нашем деле...

– Ох, да говорили вы мне это уже, – отозвалась Катерина. – Говорили. А я вам сказала...

– Помню, – тотчас остановил я ее.

Катерина была девушкой бойкой и за словом в карман не лазала, умудряясь при этом так ничего и не ответить по существу. Вот и сейчас она задорно улыбнулась, готовая пронзить меня стрелами своего красноречия, но теперь-то я был готов.

– Вы, Катерина, утверждали, будто ваши, скажем так, ночные встречи с Золотовыми к краже не относятся.

На лице девушки появилось неподдельное изумление.

– Откуда? – прошептала она.

– Я, Катерина, всё-таки сыщик, – ответил я, постаравшись, чтобы это прозвучало не слишком самодовольно. – Так что я скажу вам большое спасибо, если вы сэкономите мое время и расскажите честно, но без интимных подробностей, о ваших отношениях с обоими Золотовыми и их отношениях между собой из-за вас.

– Ох ты ж какой ловкий, – Катерина покачала головой. – Ну, по второму я вам сразу скажу, господин агент, что никаких между ними отношений по мне не было. Зачем мне скандалы? А по первому – так я ведь дама свободная.

Я изобразил понимающую улыбку:

– Это не по моей части. Но извините, Катерина, есть у меня подозрение, что по второму вы, возможно, просто не в курсе.

– Ох, они сцепились? – Катерина удивленно приподняла бровь.

Судя по всему, девушка еще не знала о гибели Андрея Золотова, а я, по правде говоря, не хотел быть черным вестником.

– Давайте скажем так, – задумчиво протянул я. – Не всё там гладко в семье, но мое дело – расследование уголовных преступлений.

– Уголовных? – протянула Катерина.

– Именно.

Девушка кивнула – не так, как Маргарита Викторовна, а четко, основательно – и изобразила на лице серьезность.

– Ох, хорошо, – сказала она. – Слушайте. Андрюша, конечно, прелесть, но вы же понимаете: он гол как сокол.

– А я слышал, что ему по завещанию родителей приличная сумма причитается, – возразил я.

– Ой, да он их уже давно проиграл. Плохо вы всё-таки работаете, господин агент, – Катерина подарила мне зубастую улыбку, но продолжила серьезным тоном: – Так вот, беден Андрюша. А я ведь и так – кожа да кости. Поглядите, – и она прокрутилась передо мной, демонстрируя стройную фигурку, даже с поправкой на пальтишко из набивной ткани никак не попадающую под описание «кожа да кости». – Нет, я не против перекинуться парой слов с любезным собеседником, но жизнь предпочитаю строить на серьезном фундаменте.

– Логично, – сказал я. – А Артем Поликарпович, стало быть, такой фундамент и есть?

– Совершенно правильно. Да и человек он не плохой. Эмоциональный очень, но в определенных случаях это очень даже на пользу. Если бы их обоих можно было склеить в одного человека, я бы мигом за него выскочила.

– Вот как? А скажите, Катерина, Андрей был в курсе ваших прагматичных взглядов?

– Практичных, господин агент, – поправила меня Катерина. – Да, он знал, что вначале богатство, потом я. Согласитесь, было бы нечестно скрывать такое. А теперь, если позволите, я спешу, мне на пристани рыбки обещали привезти. Рада была поболтать! – и она поспешила прочь, но уже на углу обернулась и звонко, на всю улицу, крикнула: – А ложечки наши всё-таки найдите!

Я усмехнулся и проводил ее взглядом. Еще один элемент мозаики занял свое место. Впрочем, он-то был довольно предсказуемым. Когда у юноши, который проводил вечера с девушкой, возникает отчаянная нужда в деньгах, первопричину установить не трудно. Какое-то время я всерьез размышлял, не мог ли Андрей в свете такой нужды польститься на «ложечки» старушек, но потом отбросил эту мысль. Тогда бы он действительно пошел по кражам, вместо того чтобы гоняться за призрачной аркой.

За воротами канала опять мелькнул луч света. На этот раз он был куда ярче. Должно быть, механик повернул прожектор, и свет ударил мне по глазам. Пожалуй, слово «врезал» будет даже ближе к моим ощущениям. Я отшатнулся и на миг вдруг увидел эту арку.

Аккуратно набросанная четкими карандашными линиями – точь-в-точь как на рисунке из кармана Андрея, – она поднялась вслед за лучом, упираясь в небо двуглавым орлом. Широкое основание сжалось, пытаясь втиснуться по берегам канала, но места ему все равно не нашлось.

Справа еще куда ни шло: встало основание, напрочь перегородив Соборную улицу, и уперлось в ворота пожарной части, а вот слева вплотную к каналу примыкали армейские магазины. Их двери выходили прямо на канал, и там не то что основание арки, там столб фонарный воткнуть было некуда.

Словно возмутившись подобным отношением, арка частично исчезла. Основание скрылось за кирпичными корпусами, но вершину с двуглавым орлом я видел по-прежнему. Словно установленная где-то на берегу, арка из нарисованной вдруг обернулась самой настоящей, белокаменной. Под орлом вспыхнул огонь, да так ярко, что, не ослепи меня вспышка прожектора, это бы сделал он.

Я моргнул. Видение пропало. Я помотал головой. Да уж, ночные дежурства под дождем да кофе на голодный желудок определенно не пошли мне на пользу.

ВСЕ ЕЩЕ ПОД впечатлением от увиденного, я вернулся на Осокину площадь. Ветер так коварно изворачивался, что всё равно сумел надуть мне в ухо. Я остановился поправить ворот-

ник. Из дверей «магазина посуды» выскользнул Золотов Артём Поликарпович. Не вышел, а именно выскользнул.

При его комплекции это выглядело забавно. Вначале приоткрылась дверь. В проеме появилась физиономия, располагавшаяся на голову ниже, чем можно было бы ожидать исходя из роста купца. Зыркнув глазами по сторонам, Золотов бочком выбрался наружу и тихонько прикрыл дверь за собой. Меня он, по всей видимости, не заметил. Зато приметил городского на площади и застыл в тени дома.

Заинтригованный, я отступил назад за угол. Городовой пересек площадь по диагонали и скрылся за домами. Купец выждал еще минуту, снова зыркнул по сторонам и быстро зашагал прочь. Я позволил ему немного оторваться и пристроился следом. На Екатерининской улице купец свернул направо. Если бы он прошел ее до конца, то как раз добрался бы до места преступления.

Купцу оставалось пройти всего три дома, когда он остановился. Я на всякий случай отступил к дверям магазина, готовый юркнуть внутрь, если купец обернется. Он не обернулся. Только посмотрел по сторонам и решительно направился к дверям Морского собрания. Я прибавил шагу. У дверей купец вновь оглянулся через плечо – я укрылся за широкой спиной какого-то моряка, шагавшего вразвалочку впереди меня – и нырнул внутрь. У меня было два варианта: зайти следом, рискуя столкнуться нос к носу с Золотовым, или подождать снаружи. После короткой внутренней борьбы я выбрал первое.

Едва вошел, как сразу же столкнулся, но не с купцом, а со швейцаром. Тот заступил мне дорогу.

– Молодой человек, вы уверены, что вам сюда? – тихо, но твердо спросил он.

– Да. А вам, я смотрю, захотелось сменить обстановку? – нашелся я. – Так не проблема. Доложу по инстанции, что вы препятствовали полицейскому расследованию, и поедете в Сибирь, будете шишки лущить белкам.

– Так бы сразу и сказали, что по делу, – проворчал он, опуская глаза и отходя с дороги. – Чего пугать-то?

– Только что сюда вошел купец, – сказал я.

Швейцар одними глазами показал вправо. Золотов стоял в холле, у лестницы, внимательно рассматривая гравюру на стене. Я отошел в сторону, чтобы случайно не попасться ему на глаза. Швейцар буравил меня неприязненным взглядом. Я его игнорировал. Флотские никогда особенно не жаловали полицейских. Даже когда эти флотские давно списаны на берег и единственная их связь с морем – открывать двери и подавать верхнюю одежду в Морском собрании.

Купец не задержался. Он что-то буркнул себе под нос – громко и совершенно неразборчиво – и решительно направился на выход. Швейцар, распахнув перед ним дверь, коварно косил глазом в мою сторону. Белок он явно любил больше, чем полицию.

Купец на швейцара даже не взглянул. Я быстро подошел к гравюре. Если быть более точным, на стене висела целая серия картинок, но купца заинтересовала только одна. Третья справа. На ней красовался уже знакомый мне маяк в виде арки. Вольготно раскинувшись над входом в петровский док, он занимал всё пространство от итальянского дворца и аж до дома Миниха. Слева вперед выдавались Рыбные ряды. Задумчиво почесав затылок, я поспешил на выход, не преминув напомнить швейцару, что в Сибири очень холодно.

Купец быстрым шагом направлялся обратно. Я подумал, что он идёт домой, но тот свернул раньше. Перешел по мостику на Якорную площадь и так прибавил, что я еле поспевал за ним.

Такой легкой рысью мы добежали до итальянского дворца. Купец буквально вылетел на мост через канал и там встал, как вкопанный, озираясь по сторонам. Не иначе, высматривал,

где тут должна была быть эта арка. Судя по гравюре, чуть дальше от ворот, чем сам мост, но в целом место было то самое.

Заметив по другую сторону городского, я махнул ему рукой. Тот посмотрел на меня. Я показал ему на купца, стоявшего посреди моста, и сам двинулся к нему. Мое приближение Золотов проморгал, а вот городского в форме приметил почти сразу, а приметив, стремительно развернулся в другую сторону. То есть навстречу мне.

– И снова здравствуйте, Артем Поликарпович, – как можно радушнее произнес я. – Ищете что-нибудь? Помочь?

В следующий момент пролетая над мостовой, я подумал, что Артем Поликарпович всё-таки очень эмоциональный человек. А еще он не только кричать умеет. Дальнейшие размышления были прерваны встречей с ограждением моста. В голове зазвенело. Я грохнулся на бок. Мимо тяжело протопал Золотов. Затем мелькнули форменные сапоги городского. Его свисток воззвал ко мне, как трубы небесные, и я кое-как поднялся на ноги.

Золотов бежал прочь. Городовой едва не наступал ему на пятки. Судя по тому, как купец мне врезал, это не ему от нас бегать следовало, но на сейчас расклад был именно таков. Я скорее зашагал, чем побежал следом.

Откуда-то сбоку выскочил дворник с лопатой. Купец бежал прямо на него. Дворник замахнулся лопатой. Купец вырвал ее из рук дворника и врезал ею ему по лбу. Тот рухнул на землю, а Золотов побежал дальше. Я прибавил шагу. Городовой догнал купца и повис у него на плече. Тот продолжал бежать.

Кто-то в синем костюме, оказавшийся впоследствии таможенником, бросился купцу под ноги. Тот со всего маху грохнулся о мостовую. Городовой покатился дальше. Купец начал подниматься на ноги, но таможенник крепко ухватил его за ноги и старательно мешал беглецу. Потом подоспел городской, за ним я, а потом еще пара дворников, прибежавших на свист.

Всей этой компанией мы дружно навалились на купца и с грехом пополам связали его портупеей городского. Задача оказалась та еще. Тумаков отхватил каждый, не говоря уже о словесных оскорблениях. Матерился купец однообразно, но уж очень громко. Как из пистолета в ухо стрелял.

Наконец, мы его скрутили. Я присел на купца, вытирая пот со лба. В голове еще слегка звенело. Рядом тяжело дышал городской с шашкой в руке. Портупею пришлось пожертвовать для общего дела, и он вертел оружие в руках, не понимая, куда его теперь девать. Мне б его заботы!

– Куда бежали, Артем Поликарпович? – осведомился я.

Тот прохрипел снизу что-то недоброе. Я вздохнул. Вокруг начал собираться народ. Послышались вопросы: что, мол, тут творится средь бела дня?

– Задержан преступник, – оповестил всех городской.

– Подозреваемый, – поправил я его. – Хотя сопротивление властям тут налицо.

– Точнее, на лице, – фыкнул кто-то.

Послышался смех. Я осторожно потрогал левую щеку.

Она вся горела. Похоже, остряк был прав. Чиновного вида старичок с пенсне на носу затребовал доказать, что я тут «власть». Пришлось предъявить документ.

– Сыскная полиция, – прошелестело по рядам. – А дело-то серьезное.

И нет бы людям успокоиться на этом и разойтись. Куда там! Толпа прирастала как на дрожжах. Когда я попросил городского найти коляску для перевозки арестанта, ему уже пришлось проталкиваться.

Люди, несколько не смущаясь, переговаривались в полный голос. Версии о возможных грехах пойманного купца сыпались как из рога изобилия. Кто-то помянул утреннее самоубийство, и я наострил уши, но ничего интересного для следствия не услышал. Даже имя покой-

ного, и то переврали. Другой остряк с претензией на юмор громко строил догадки на предмет того, куда я поскачу на этом борове, если сумею его обуздать.

Затем кто-то признал меня, кто-то купца – Кронштадт город маленький, – и остроты стали более адресными. Мол, нашел Ефимка замену воздушному шару и сейчас на этом нечистом полетит прямиком в Санкт-Петербург, с докладом к самому государю императору. Одни просили и их в докладе помянуть, другие просто зубоскалили. Купец подо мной взбрыкивал и щедро осыпал проклятиями всех вокруг.

К счастью, тут подкатила коляска, и мы на ней, если быть честным, попросту сбежали.

– НЕ БУДУ СПРАШИВАТЬ, раскрыл ли ты дело, – фыркнул Семен, когда я ввалился в приемную. – Всё прямо на лице написано.

– Ну хоть ты не язви, – попросил я. – Я эту шутку сегодня раз сто в разных вариациях слышал. Лучше запри вот этого вот, – я кивнул на купца. – В камеру. И не в службу, а в дружбу, съезди за Маргаритой Викторовной.

Поникший было купец снова стал кричать и брыкаться, но у нас и не таких буянов по камерам расселяли. Справились. Семен пообещал быть «одной ногой здесь, а другой уже там» и добавил:

– Да, совсем из головы вылетело. Тебя только что инспектор спрашивал.

Значит, не судьба мне передохнуть. Впрочем, какой-то лимит времени мне свыше всё-таки выделили. Инспектора в кабинете не оказалось. Заварив себе кофейку, я устроился за столиком у окна. Своего помещения для простых агентов не выделили, так что отчеты мы писали тут же, под бдительным оком начальства.

Туман в голове малость рассеялся, и я отчетливо увидел всё дело: преступление и преступника, мотив и средство. Да, действительно всё просто. Вздохнув, я отставил кружку и начал аккуратно переносить мысли на бумагу. Дошел примерно до середины, когда в кабинет зашел инспектор.

– Я так понимаю, всё готово и можно передавать дело в суд, – сказал он таким тоном, словно бы ни на йоту не сомневался в положительном ответе.

Не отрываясь от бумаги, я кивнул. Кивок отозвался ноющей болью в голове, заставившей меня поморщиться.

– Сейчас, Вениамин Степанович, – пообещал я. – Рапорт закончу, и будет всё.

Инспектор прошелся по комнате и остановился у самовара. На какое-то время его внимание полностью поглотило священнодействие заваривания чая, а я практически закончил отчет.

– За Маргаритой Викторовной вы Семена послали? – спросил инспектор. – Ладно, пусть прогуляется. Кстати, купца-то за что арестовали?

– Да буянил он не в меру, – пояснил я и осекся. – Погодите, Вениамин Степанович, только не говорите, что вы и без моего рапорта знаете, кто убийца.

– Мне всё было ясно с самого начала, – спокойно ответил инспектор. – Это, как говорил Шерлок Холмс, дело на одну трубку, – и, заметив мой недоуменный взгляд, добавил: – Он имел в виду, что пока выкуривал трубку – раскрывал подобное дело. Вы не читали рассказы сэра Артура Конан-Дойля?

– Нет.

– Напрасно. Его даже в Китае читают, предпочитая собственным авторам, а это кое-что да значит. Китайцы – народ замкнутый. До них не так-то просто достучаться.

Я хмыкнул. Не знаю, как там этот Холмс, а я, пока бегал туда-сюда, весь на табачный дым изошел. Скоро рассеиваться начну.

С улицы донесся стук копыт. Я выглянул в окно. Семен привез Маргариту в наемном экипаже. Это правильно. Дождь опять закапал, да и вообще погода к прогулкам не располагала. Не в нашей же карете с решетками ее везти. Хотя инспектор вряд ли думал так же. Наперед

могу сказать, что Семен включит двадцать копеек в расходы, а Вениамин Степанович их оттуда вычеркнет. Забегая вперед, скаажу, так оно и случилось.

– Маргарита Викторовна приехала? – спросил он.

– Да, Вениамин Степанович.

– Пригласите ее сюда, и купца тоже.

– Слушаюсь.

Пребывание в камере пошло Артему Поликарповичу на пользу. Он больше не ругался и не размахивал руками. Когда мы с Семеном доставили его в кабинет, инспектор задумчиво изучал рисунок с аркой, который был найден в кармане Андрея, а Маргарита Викторовна, сидя на стуле, бросала на него встревоженные взгляды из-под бровей. Купцу достался табурет. Семен присел за столик рядом, а я прошел к своему столу. Купец злобно зыркнул на меня, потом на Маргариту Викторовну.

– Ну что же вы, Артем Поликарпович, – заговорил инспектор. – Общественный порядок нарушаете, сотрудников полиции бьете. Они ведь при исполнении.

– Спужался я, – нехотя признал купец. – Пошел посмотреть, где Андрей утоп. Мне ж Маргарита рассказывала про его фантазию с маяком, вот я и решил пойти самому глянуть. Ваш-то, – тут он снова злобно глянул на меня. – Под меня копал. Только вышел к мосту, а он уже тут как тут.

– Быть может, не зря копал, – тихо сказала Маргарита Викторовна.

Купец побагровел и начал было подниматься, но вовремя одумался. Сел обратно сам.

– Наверняка не зря, – заметил инспектор. – Теперь мы знаем, что Артем Поликарпович Золотов к хулиганству и рукоприкладству склонен. Но сейчас мы занимаемся убийством Андрея Викторовича Золотова, в смерти которого обвиняется присутствующая здесь Маргарита Викторовна.

Барышня вздрогнула и вскинулась.

– Я, Ефим, с вашим рапортом ознакомиться не успел, – продолжил инспектор. – Так что вам слово.

– Как?! – вскинулась барышня. – Неужели вы, Ефим Родионович, верите в то, что я могла убить своего брата?!

– Думаю, не могли, – сказал я. – Иначе избавились бы от него как-нибудь попроще. Без легенды про Петровскую арку и без вот этой композиции, – я указал на рисунок в руках инспектора. – Это ведь вы нарисовали?

– Вы можете это доказать? – вопросом на вопрос ответила барышня.

– Конечно, – сказал я. – О ваших уроках рисования мне рассказал Артем Поликарпович, и вряд ли это ваш единственный рисунок. Найдем их, найдем вашего учителя, подключим экспертов, и, уверен, они установят авторство. Вот только они сделают экспертизу не бесплатно, а мы, в свою очередь, вчиним это вам в иск.

Барышня кивнула.

– Не нужно. Это я нарисовала. Как запомнила легенду, так и нарисовала, – в ее глазах на миг мелькнуло «что, съел?», но тотчас исчезло, уступив место кроткому недоумению. – Но ведь рисование – это не преступление.

– Само по себе – нет, а вот как часть преступного замысла – уже да, – продолжал я. – Так же и с легендой. Можно приукрасить сказку ради красного словца, а можно – ради убийства.

– Скажите на милость, и как же я его совершила?

– Сейчас расскажу, – ответил я, моментально оказываясь в центре внимания. – Не знаю, когда вы решили избавиться от брата, но полагаю, случилось это, когда он проиграл в карты тридцать тысяч. Наследство, как я понял, у вас общее, и хотя карточный долг...

– Сколько?! – проревел купец так, что стекла задрожали. – Убью!

– Успокойтесь, Артем Поликарпович, – сухо бросил инспектор. – Его уже убили.

– Так ведь он и убил, – тотчас вскинулась барышня. – Своими придирками.

– Ах ты тварь!

Сжав кулаки, купец рванулся было к ней, но Семен был начеку. Удар по затылку вернул буяна на место. Барышня, быстро встав, отступила к стене.

– Садитесь, Маргарита Викторовна, – сказал инспектор. – Противоправных действий мы не допустим. Вас будут судить исключительно по закону.

– Простите, Вениамин Степанович, – сказала она, вновь опускаясь на стул. – Но я пока не услышала – судить за что?

На дядю она даже не взглянула. Тот застыл, выпучив глаза и открыв рот.

– Разумно, – согласился инспектор. – На чём мы остановились? Итак, деньги промотаны, легенда рассказана, рисунок нарисован. Дальше, Ефим.

– Один момент, – сказал я. – Деньги не промотаны. Мартын отобрал у шулера расписки Андрея и отдал их Маргарите Викторовне. Однако, судя по моему сегодняшнему разговору с Катериной, до Андрея они так и не дошли.

– Катерина Фролова? – уточнил инспектор.

– Она самая, – ответил я. – Оба Золотовых были к ней равнодушны. Младший мог бы стать фаворитом, не будь он без гроша за душой. Катерина откуда-то знала, что он всё проиграл.

– Откуда? – сразу спросил инспектор. – Такими вещами обычно не хвастаются.

– Пока не знаю, но обязательно спрошу, – ответил я. – Может, проболтался, а может, и подсказал кто. Так или иначе, дела у Андрея последнее время шли неважнецки. Как недавно заметил Клаус Францевич, на жизнь ему жаловаться было рано, но что-то предпринять – уже пора. Однако был он не «предприниматель» – вон, купец, когда в Москву собрался, все дела на Маргариту Викторовну оставил, – так что наверняка просто плыл с печальной миной по течению, пока на горизонте не появилась легенда, способная одним махом решить его проблемы. Думаю, убедить его на этот трюк было не сложно.

На словах «не сложно» Маргарита Викторовна криво усмехнулась и едва заметно покачала головой. По всей видимости, тут я был категорически не прав. Однако перебивать меня барышня не стала.

– Так или иначе, он согласился на дополненный вариант легенды, – акцентировался я на главном.

– Дополненный? – переспросила барышня.

– Оригинал легенды купания не предполагал, – сказал я.

– Андрей считал иначе, – ответила барышня.

– Разумеется, – согласился я. – Иначе бы он в канал не прыгнул.

– То есть вы утверждаете, что прыгнул он всё-таки сам? – вкрадчиво, будто кошка, уточнила барышня.

Инспектор внимательно посмотрел на меня. Семен оторвался от своих записей и вопросительно изогнул бровь, сигнализируя: мне это записывать?

– Да, я полагаю именно так, – твердо сказал я. – Прыгнул он сам. Сил скинуть его в канал у вас, Маргарита Викторовна, не хватило бы. Заставить вы его тоже вряд ли сумели бы. Тут ведь сразу возникает вопрос – как? Пригрозить пистолетом? Даже если бы он у вас был, не факт, что вы стали бы стрелять там, где выстрел наверняка услышат, да и пугать легкой смертью человека, чтобы он решился на смерть куда более страшную – это не самое разумное предприятие. Остается легенда.

Последовал утвердительный кивок, после чего барышня со знанием дела возразила:

– Тогда, Ефим Родионович, какая же я убийца? Лгунья – возможно. Можете меня за это отшлепать.

– Я бы с удовольствием, – ответил я. – Но мы будем действовать по закону.

– А по закону, – барышня чуть закатила глаза и процитировала: – Согласно «Уложению о наказаниях», статье 491, я, будучи свидетелем опасности для жизни другого лица и не доставив ему должной помощи, подлежу аресту на срок не более одного, заметьте, Ефим Родионович, всего одного месяца, или же штрафа не более ста рублей. Да и простите, какую помощь может оказать такая бестолковая барышня, как я? Ну, кроме как метаться и взывать о помощи? Что я, кстати, и делала.

Инспектор покачал головой.

– Это не всё, – не сдавался я. – Вы не просто свидетель. Именно вы привели брата к каналу. Вы отшили нищего, дав ему двугривенный, чтобы он поскорее убрался, вместо того чтобы попросить о помощи.

– Я... Я просто боялась, что кто-то узнает о глупом поступке брата, – вывернулась барышня.

– О нём уже весь город знает, – сказал я. – Что, полагаю, вам и требовалось, иначе бы Андрей нырнул в другом месте. Вот это, – я указал на рисунок в руках инспектора. – Форменная липа. Или, если хотите, художественный вымысел. Потому как маяку здесь не место. Он должен быть на берегу, но там утром практически никого, а здесь вот рядом Андреевский собор. Прихожан на службу собирается много, особенно когда служит отец Иоанн.

– Так не многовато ли свидетелей для убийства? – с едва уловимой полуулыбкой спросила барышня.

– Кто-то же должен был вашего брата из канала вытаскивать, – сказал я. – Вряд ли он согласился бы на самоубийство. Нет, он наверняка рассчитывал увидеть «правильный путь» в жизни. Судя по рисунку, ему всего-то предстояло проплыть или даже пролететь, если хорошо оттолкнуться, буквально метр-два, однако из канала без посторонней помощи не выбраться. Поэтому вы прихватили с собой веревку.

– Мы? – переспросила барышня.

– Уверен, что принесли ее вы. Впрочем, чего гадать? Веревка не маленькая, в кармане не спрячешь. Нищий, которому вы денег дали, тащился за вами по всей Екатерининской и, конечно, успел ее заметить. Сейчас он сидит у Мартына, проедает мой гривенник и проигрывает ваш двугривенный. Мы привлечем его как свидетеля и...

– Хорошо, – барышня кивнула и задумалась. – Как я помню, статья 489 об оставлении в опасности...

– Можно подумать, что это вы учились на юриста, – хмыкнул я.

– Да уж не дурака валяла, – бросила в ответ барышня.

– Не пойдет, – сказал инспектор. – Я понимаю, куда вы клоните, но там есть специальное разъяснение...

– Нет, – возразила барышня и улыбнулась.

Улыбка получилась хищная, но твердая: мол, меня на мякине не проведешь.

– Есть, – столь же твердо парировал инспектор. – Оно относится к предыдущей редакции уложения, но всё еще в силе. И оно прямо говорит, что если оставлением в опасности была цель лишить жизни, то в данном случае речь идет об убийстве, и нам следует смотреть статью 453. Ведь так, Ефим?

Я со всей уверенностью подтвердил, что так, хотя, по правде говоря, лично мне бы пришлось по каждому номеру лазать в томик уложения и читать, чего там понаписано.

– И как обстоит дело с оставлением в опасности с целью убийства? – спросил инспектор.

– Тут я могу только предполагать, – честно ответил я. – Но уверен, что предполагаю верно. Итак, Маргарита Викторовна, сигналом к прыжку послужил ваш крик о помощи. Он должен был привлечь внимание первого же замеченного вами прохожего. Дальше прохожий слышал плеск в канале, героически бросался на помощь и вытягивал Андрея с помощью

веревки. Вот только крикнув раз, вы сразу замолчали, да и веревка, не угляди ее матрос, так бы и осталась валяться на углу канала, где ее быстренько присвоил бы какой-нибудь нищий. Так?

Барышня молча смотрела в пол. Семен старательно скрипел пером. Купец очухался и заозирался.

– А? Что? – пробасил он.

– Помолчите пока, Артем Поликарпович, – попросил инспектор, продолжая разглядывать барышню.

Та подняла голову, собранная и готовая к бою. Я вновь восхитился ею, но на этот раз не внешностью, а умением держаться.

– Суд может и не поверить в вашу версию, – сказала она.

– Но может и поверить, – парировал инспектор. – Вы хотите сделать заявление?

– Да. Если я правильно помню, статья 462 или 463...

– Думаю, 463, – сказал инспектор. – По первой из них регламентируется только наказание за доставление средства к самоубийству, тогда как по второй – подговор к оному лица, не достигшего двадцати одного года, и опять же содействие. Максимальное наказание, конечно, сурово, но оно же равно тому минимуму, который полагается за убийство.

– Подговор еще надо доказать, – задумчиво протянула барышня, явно соображая на ходу. – А за одно только содействие плюс чистосердечное признание и раскаяние максимума, полагаю, не должно быть.

– Это верно, – сказал инспектор. – Правда, статья всё равно будет 463.

Барышня кивнула, принимая информацию к сведению. Я хмыкнул. Тело утопленника лежало у нас в холодной, прямо под нами. Согласен, наша профессия предполагает изрядный запас цинизма, но такое жонглирование цифрами над трупом лично мне представлялось уже откровенным перебором.

– Маргарита Викторовна, – сказал я. – Не для протокола. Семен, не пиши. Вам брата хоть немного жалко?

– Очень жалко, – кивнула барышня.

– Но упустить возможность прибрать к рукам полмиллиона было бы еще жальче, – уточнил инспектор.

– Полмиллиона? – переспросил я.

Барышня мелко кивнула, опасливо косясь на дядю, но тот, похоже, и сам пока не понял.

– Смерть брата приносила ей лишних двадцать пять тысяч, – пояснил вместо барышни инспектор. – Которые можно было бы получить и проще, прижав брата через посредника долговыми расписками. А вот если бы мы арестовали Артема Поликарповича за доведение до самоубийства лица, оставленного на его попечение, или если бы он, с его-то импульсивностью, прослышав про следствие, подался в бег, то Маргарита Викторовна могла бы распоряжаться всем его предприятием.

– Паскуда, – зарычал купец. – Я ж на тебя все бумаги оформил.

– С седьмого октября? – спокойно уточнил инспектор.

– Ага. Что?! Уже в моих бумагах порылись?!

Вместо ответа инспектор показал ему подпись под рисунком. О том, что самая сила арки должна была наступить именно седьмого октября. Барышня не теряла времени попусту.

Купец рыкнул и бросился-таки на нее. Одну оплеуху она словила. Потом мы с Семеном его скрутили. Пришлось даже разок табуреткой приложить.

– Теперь вы видите, что этот человек опасен для общества? – сказала барышня, потирая щеку ладошкой.

– До вас ему еще далеко, – строго возразил инспектор. – Семен, отправьте его в камеру. Пусть там в себя приходит. Потом гоните в шею. Нечего казенное место занимать. Ну а вам, Маргарита Викторовна, придется задержаться у нас до суда.

– В хорошей компании отчего ж не задержаться, – очень спокойно ответила она. Потом встала и в сопровождении Семёна отправилась в камеру.

КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ МЫ молчали. Инспектор пил чай и читал мой рапорт. На его лице застыла гримаса отвращения. Час назад я бы с интересом гадал: это потому что чай остыл, или это я там чего-то эдакого понаписал. Сейчас же мне было всё равно. Я просто сидел на стуле, пытаюсь сознать, как вышло, что ангел небесный обернулась сущей дьяволицей. Мысль эта в голове не укладывалась.

– О чём задумались, Ефим? – раздался голос инспектора.

Отложив рапорт, он смотрел на меня.

– Да так, ни о чем. Скажите, Вениамин Степанович, а как вы сразу сообразили, что это убийство?

– Логика, Ефим, – последовал ответ. – Логика и знание жизни. Начнем с утопленника. Он прожил в Кронштадте четыре года, а плавать так и не научился. Значит, действительно воды боялся. Это бывает. Особенно если чуть не утонул, как нам Маргарита Викторовна рассказывала. Видел я такое, и не раз. Но только если он воды боялся, то должен был страх свой преодолеть, чтобы в канал прыгнуть. А что такое самоубийство? – он щелкнул пальцами и сам же ответил на свой вопрос: – Это, Ефим, бегство от трудностей. Если он себя смог преодолеть, какие после этого трудности могли его испугать? Да никаких. Нет, будь юноша слаб духом, он бы в петлю полез или яду наглотался. На несчастный случай тоже не похоже. Юноша разделся, рядом заблаговременно приготовлена веревка. Хорошая веревка, такая долго бы не завалилась. Плюс картинка с указанием на сегодняшнюю дату как день силы.

– Ну, это уже мистика, – сказал я.

– Это чушь, – строго поправил меня инспектор. – То есть, конечно, в данном деле она – важная деталь, как причина, побудившая жертву пойти на поводу у преступника, но сама по себе вся эта мистика не существует. За каждой тайной стоит вполне реальный человек, который не хочет делиться своими секретами. В нашем случае секрет заключался в том, ради чего стоило седьмого октября отправить юношу в канал. Тут были возможны варианты, но даже сама по себе эта дата говорила о том, что купание в канале не было случайным или, скажем, совершенным под влиянием душевного порыва. Оно было подготовлено загодя. С учетом того, что плавать юноша не умел – это было убийством.

– Логично, – признал я.

– Конечно, поведение Маргариты Викторовны могло быть следствием глупости, а веревку мог очень кстати обронить проходивший мимо торговец, но, как я вам уже говорил, за всякой случайностью прячется своя закономерность, которую необходимо отыскать, – инспектор покачал головой. – Должен признать, преступление у нее получилось почти идеальным. Жертва сама прыгает в канал, сама тонет, и даже с тем фактом, что к каналу эта парочка пришла подготовленной – доказать в суде именно убийство будет не так-то просто.

Раздался стук, и в дверь заглянул Семен. Инспектор поднял голову.

– Прошу прощения, Вениамин Степанович, – сказал дежурный. – Ефим, там по твою душу бабка пришла.

– Какая бабка? – не понял я.

– Фролова Фекла Ильинишна. Говорит, пришла каяться.

Инспектор взглянул на часы.

– Как раз вовремя, – проворчал он так, что и не поймешь: рад или не рад он, что старуха сама в полицию пришла. – Ну что встал? – фыркнул он на Семена. – Зови, коли пришла. Чего старого человека в коридоре держишь.

Дежурный тотчас исчез. Дверь распахнулась, пропуская согнувшуюся старушку. Видать, радикулит так и не отпустил. Фёкла Ильинична тяжело опиралась на палку.

Инспектор уступил ей своё мягкое кресло, предложил чаю, а каяться переориентировал на меня. Мол, вот он всё запишет, что вы сочтете нужным сказать. Бабка первым делом рассыпалась в извинениях, что не сразу пришла в полицию, да так многословно, что пришлось ее прервать.

– Фекла Ильинишна, – попросил я. – Ваше раскаяние отмечено и будет учтено. Про ваши ночные поиски с лопатой мне тоже всё известно. Давайте уже по самому факту кражи.

Бабка выпучила на меня глаза.

– Это ж откуда тебе известно, милоч?

– Работа такая, – кратко ответил я.

Бабка опять запрочитала. Мол, конечно, молодой да грамотный, куда ей за мной угнаться. Кое-как я всё-таки направил беседу в более конструктивное русло.

Как оказалось, в ту ночь бабка мало того что видела вора, так еще и опознала его. Это был приказчик из лавки купца Золотова. Купец, как и его молодой племянник, не только через забор беседы беседовал. Катерина их и ближе допускала. Тайком – так она думала! – по ночам впускала то одного, то другого к себе, а рано утром провожала. Дело, как говорится, житейское, молодое, но той ночью влюбленные ненароком спугнули вора.

На профессионала он, по мнению бабки, никак похож не был. Видать, решил за молодым хозяином пошпионить, да как влез в дом – не удержался пошарить по полкам. Тут мы с инспектором переглянулись. По всей видимости, Артем Поликарпович либо знал, либо догадывался о том, что он – не единственный кавалер у Катерины, и установил за племянником слежку.

Соблазн прикарманить кое-что оказался слишком велик – тем более что работая в посудной лавке, приказчик вполне мог сбыть краденый товар покупателям за его полную стоимость – но в ту ночь гость не задержался. Катерина его через дверь на кухне выпускала, вот вор и заметался, а заматавшись – малость нашумел.

Бабка, выглянув на шум, увидела, как вор на цыпочках выскочил из кухни, держа в руках большущий сверток. К дверям он уже не успевал – там были Катерина с Андреем – и выскочил в окно. Свет луны, очень вовремя выглянувшей из-за тучи, позволил разглядеть его лицо. Торопливо натянув на себя одежду, бабка с кочергой выскочила из дому – вот ведь не робкого десятка оказалась! – и увидела вора на улице уже без свертка. Тот тоже ее увидел и со всех ног бросился бежать. Угнаться за ним старуха, конечно, не могла, однако смекнула, что вор припрятал добычу где-то во дворе. Сказала бы сразу, и дело с концом. Мы бы обшарили двор и нашли пропажу.

Ан нет! На девяносто шестом году жизни бабка надумала поиграть в Пинкертон! Сама преступника разоблачить решила, и ночью, едва стемнело, засела в сених в засаде. Вор, однако, за добычей не вернулся. Бабке стало скучно, и она полезла сама сверток искать, вобла вяленая! Весь двор перерыла, только к дровяному сараю подходить опасалась.

– Чую, батюшка, бес там затаился! – вещала она треснутым голосом. – И на меня из темноты зыркал. А ну как затащил бы в сарай и что срамное сотворил?!

Инспектор бросил на меня ехидный взгляд из-под бровей. Я его проигнорировал...

ПРИКАЗЧИКА МЫ ВЗЯЛИ тем же часом. Бедняга так устал бояться, что, едва завидев меня с Матвеевым, сам во всем покаялся. Спрятал он добычу в сарае, в дровах, во втором ряду, под самым потолком. Получается, я всю ночь на ней и пролежал.

БАРЫШНЮ И ПРИКАЗЧИКА судили в один день.

Нищий действительно видел в то утро веревку у Золотовых, и это, вместе с долговыми расписками Андрея, найденными в шкатулке Маргариты Викторовны, основательно укрепило позиции обвинения, однако те по-прежнему были далеки от идеальных. Да еще Артём Поли-

карпович подсуропил. Не иначе как из вредности пригласил лучшего адвоката. Не самого Плевако, конечно, тот на наше счастье как раз от дел отошел, но одного из его учеников!

Говорят, прокурор после суда выглядел как Наполеон после Ватерлоо. Впрочем, он тоже был не лыком шит, и совсем отвертеться от наказания Маргарите Викторовне не удалось. Однако приказчику за кражу ложек и то больше досталось.

Сам я на суде не был – всё-таки простудился, и две недели провалялся в постели.

Часть вторая. Семейное дело

НОВЫЙ, 1909 ГОД я встречал на посту. Точнее говоря, дежурил по нашему сыскному отделению. Семен попросил его подменить. Сам он отправился с очередной пассией за город, а я, по правде говоря, хотел только одного – покоя. Последнее дело меня изрядно вымотало.

Сложным его назвать было нельзя. Один мастеровой, будучи в изрядном подпитии, так сильно аргументировал свою точку зрения молотком, что в итоге сразил оппонента наповал. Осознав содеянное, «молотобоец» мгновенно протрезвел и дал деру. Согласно показаниям свидетелей, он, словно заяц, упрыгал по льду залива куда-то в направлении Финляндии. Я запросил по телефону тамошних коллег. Они ответили, что со стороны Кронштадта гостей не было и что в такую погоду вряд ли будут.

На заливе бушевала снежная буря. Затеряться в ней – проще простого, что, по всей видимости, и случилось с нашим мастеровым. Наказав коллегам держать ухо востро – мало ли всё же вынесет его нелегкая на финский берег, – я приступил к розыскным мероприятиям.

Сама по себе методика поиска на заливе у нас была давно отработана. В Кронштадте любителей померзнуть с удочкой в руках каждый год на льдине уносит. Можно сказать – традиция. Прошлой весной уж настолько толстый лёд был – два портовых ледокола не смогли пробиться на помощь рыбакам – а они всё равно как-то уплыли. Так что я, не мудрствуя понапрасну, сигнализировал во все положенные инстанции, и мы всем миром отправились искать нашего потеряшку.

Погода и впрямь оказалась мерзопакостная! Холод, метель, а уж ветер просто с ног сбивал. Целый день мы во льдах провели: встретили трех рыбаков, спасли заблудившегося пьяницу, видели нерпу и лису. В попытке подстрелить последнюю учинили такую стрельбу, что из кронштадтского гарнизона нам на помощь выслали роту солдат. К их прибытию лиса благополучно сбежала, а мне пришлось объясняться с военными, только что отмахавшими пару верст бегом да во всеоружии. Побить не побили, всё-таки я – агент сыскной полиции и при исполнении, но очень хотели.

Впрочем, как говорится, нет худа без добра. Вместе с ними мы еще раз прочесали район поиска и поймали, наконец, беглеца. Или, лучше сказать, нашли. Этот болван прихватил молоток с собой, а пальто накинуть не догадался. Когда солдаты на него наткнулись, он уже так замерз, что был не в силах самостоятельно передвигаться. Больше часа у печки оттаивал, прежде чем смог хоть одно слово вымолвить.

В конечном итоге «молотобоец» оказался там, где ему самое место – в камере, а я с комфортом развалился в мягком кресле инспектора. В руках у меня был журнал с интереснейшей статьей на тему грядущего противоборства двух видов летательных аппаратов – легче и тяжелее воздуха, но глаза слипались и никак не хотели сконцентрироваться на строчках. Сон уже почти сморил меня, когда зазвонил телефон. Я снял трубку, сказал, что Ефим Кошин у аппарата, и узнал, что убили графа Рощина.

СНОВА ТАЩИТЬСЯ КУДА-ТО, пробиваясь сквозь метель, мне страшно не хотелось, но, как оказалось, убийца был столь любезен, что прикончил графа в теплом помещении. Точнее говоря, прямо на дому. Дом стоял на Павловской улице. От отделения до нее рукой подать, я бы за пять минут пешком добежал, но тут, словно почуяв серьезное дело, вернулся наш инспектор – Гаврилов Вениамин Степанович. Я доложил ему об убийстве, и он сказал:

– Ну что ж, Ефим, поехали.

Пришлось мне вновь заниматься поисками. На этот раз – приличного экипажа. В нашей-то карете только арестантов перевозить, чтобы заранее к своей тяжелой доле привыкали. Мне

еще повезло, что наш парадный вход выходил прямо на Николаевский проспект, а там даже за четверть часа до полуночи хоть какое-то движение, да было.

Пробежав опять же пять минут, я сумел перехватить свободный экипаж перед самым носом у пузана в лисьей шубе. Извозчик, мерзавец, по случаю праздника и столь явной конкуренции вместо двадцати копеек слупил с меня полтинник. Пришлось заплатить. А куда деваться, коли кроме него никого нет?

Хотя, надо признать, домчал нас этот монополист с шиком. Мимо Гостиного двора мы пролетели вихрем. Пыль столбом не стояла, но пурга ее с успехом заменила. У Владимирского собора экипаж стремительно свернул на Павловскую, извозчик залихватски свистнул, и мы лихо подлетели к двухэтажному особняку песочного цвета.

Перед входом, как водится, толпились зеваки. В новогоднюю ночь их оказалось значительно меньше, чем собралось бы обычно, но и эта «традиция» не была сегодня забыта. Два десятка человек исправно пялились на темные окна особняка. Ни одно не светилось, и единственное, что сразу бросалось в глаза – разбитое стекло в крайнем правом окне на втором этаже.

На углу дома росло дерево. Без листьев я их не различаю, но стояло оно так монументально, так гордо расправило ветви – и это несмотря на весь снег, который на них лежал! – что я сразу решил: это может быть только дуб. Длинная и толстая ветка дуба вытянулась прямо под разбитым окном.

Впрочем, забраться через него в дом смог бы разве что ребенок. Особняк был старинный, с высокими и такими узкими окнами, что они невольно навевали ассоциации с бойницами. Это впечатление усиливали толстые рамы. К примеру, мне – а я довольно худощавый – пришлось бы их полностью выломать, чтобы протиснуться в окно.

Громко заржав, лошадь остановилась буквально в шаге от зевак, и наш извозчик бодро отпартовал:

– Приехали, барин.

Из толпы послышались матюки в его адрес – судя по фразам: «Опять выёживаешься!», подобные сцены разыгрывались им не впервой, – но всё перекрыл зычный бас:

– А ну-ка, расступись! Живо! Кому сказал?!

Этот голос был мне знаком. Я закрутил головой и заметил на крыльце городского Матвеева. Он стоял там, точно капитан на мостике, и строго покрикивал на тех, кто замешкался. У Матвеева не забалуешь. Особенно в праздники.

Собственно, дежурства по праздникам вообще мало кто любил, но Матвеев – больше всех прочих, вместе взятых, и у него были на то все основания. Городовой всегда предпочитал проводить праздники в кругу семьи – с такой красавицей-женой я бы и в будни лишний раз из дому не вылезал! – и, соответственно, всякое правонарушение в праздничные дни воспринимал как покушение на свое семейное счастье. Другими словами, мог и тумачок отвесить, а рука у него была тяжелая.

Побитые граждане, конечно, жаловались. Начальство вкатывало Матвееву очередной выговор и внеочередное дежурство. Тот, понятное дело, добрее от этого не становился, зато количество желающих нарушать порядок в его присутствии падало прямо на глазах. Это, в свою очередь, побуждало начальство и дальше ставить Матвеева на дежурство именно в праздники. Вот такой вот круговорот сурового правопорядка получался.

– Живей, живей! – продолжал покрикивать Матвеев, но уже больше просто для порядка.

Когда инспектор степенно вылез из экипажа, люди ему к крыльцу уже широкий коридор расчистили. Наверное, и ковровую дорожку расстелили бы, если бы знали, что он изволит быть. Всё-таки инспектор из самого Санкт-Петербурга, да и там он считался не из последних. Сам Филиппов, начальник столичного сыска, за руку с ним здоровался!

Матвеев, подбежав, откозырял инспектору, кивнул мне, и, пока мы шли к крыльцу, доложил:

– В общем, Вениамин Степанович, графа убили, но кто, зачем – пёс его знает. Никто ничего толком не видел и не слышал. Домашние графа знай талдычат про какое-то проклятие. Но самого графа никто не проклинал.

– Понятно, – сказал инспектор и указал рукой в сторону дуба: – А там что?

Снег под деревом был так вытоптан, будто вокруг него скачки на слонах устраивали.

– А это вон они натоптали, – сказал Матвеев, кивнув на зевак, и те дружно потупились. – Каждый себя сыщиком возомнил. Свидетели говорят, что стекло разбили, когда графа убивали. В процессе, так сказать. Я на всякий случай вокруг дома обошёл, пока никто не набежал.

– И что? – спросил я.

– Ничего интересного, – ответил Матвеев. – Здесь – только стекла выбитые, а больше вообще ничего. Там, под деревом, даже снег не был примят. С другой стороны такая же картина. В окна к ним никто не лазал. Разве что прилетел сверху. Крышу я не проверял, это, Ефим, твоя епархия.

Последние слова он сопроводил едва заметной ухмылкой. Я ответил хмурым взглядом. По осени, выслеживая вора, я действительно провел целую ночь на крыше. Причем, как оказалось, украденное лежало прямо подо мной, о чём Матвееву до сих пор не надоело мне напоминать.

– Посты вокруг дома выставлены? – поинтересовался инспектор.

– Так точно.

– Хорошо, – похвалил инспектор. – Тогда пойдем в дом.

Мы поднялись на крыльцо. Матвеев распахнул перед инспектором дверь. Та вполне подходила к общему «крепостному» стилю – толстенная, с массивным металлическим засовом и замком, ключ от которого по всем канонам должен быть размером с полруки. Зеваки сунули было нос следом, но Матвеев строго глянул, и они моментально хлынули обратно.

Прихожая в особняке не уступала размерами моей квартире. Вдоль всей левой стены вытянулась вешалка. Панели из красного дерева, украшенные витиеватой резьбой, придавали ей массивности. Должно быть, граф любил принимать гостей – здесь можно было разместить верхнюю одежду полусотни человек. Сейчас на вешалке висели: две женских шубки, мужское пальто, офицерская шинель, темно-зеленая шинель студента и, на самом краю, ближе к двери, примостился как бедный родственник потертый полушубок. Справа от двери красовался рыцарский доспех с алым плюмажем на шлеме. Латные перчатки крепко сжимали длинное копьё, которое упиралось острием в потолок.

Здесь нас встретил поп. Он благоразумно не высовывался на без пяти минут уже январский мороз, но, едва мы вошли, тотчас нарисовался, словно чертик из табакерки. Да и вообще, по правде говоря, на чертика он был похож больше, чем на священника. Заношенная ряса сидела на нём так плохо, как только могла сидеть вещь с чужого плеча. Сам же поп был низенький, рыжий и такой востроносый, что я с первого же взгляда его заподозрил, хотя так и не придумал – в чём.

– Дьякон Феофан Рошин, – отрекомендовался он. – Самый дальний родственник покойного, зато его самый преданный друг, – и добавил, поймав мой недоуменный взгляд: – Просим прощеньица, господа полицейские, но прислуги в доме совсем никого нет. Один я, так сказать, всегда на посту.

– Ничего, – сказал Вениамин Степанович. – Мы – люди самостоятельные.

После чего я помог инспектору снять шубу и пристроил ее на вешалке. Шуба у него была под стать самому инспектору – солидная. В такой и на прием к государю пожаловать не стыдно было бы. Мое черное пальто выглядело на ее фоне более чем скромно.

– Прошу со мной, – сказал дьякон, всем телом изобразив приглашение с полупоклоном.

Мол, «заходите, гости дорогие». Выглядело это так, будто он нас не в приличный дом, а в кабак зазывал.

– Проводите нас на место преступления, – велел ему инспектор.

– Да-да, разумеется, – дьякон так энергично закивал головой, что я испугался, как бы он ее не потерял. – Но графиня очень просила уделить ей минуточку вашего внимания, прежде чем вы приступите к нашему делу. Их сиятельство-то ведь теперь уже никуда не торопится, верно? А графиня поджидает вас в библиотечке. Это вам прямо по пути будет.

Вениамин Степанович сумрачно глянул на него и оглянулся на меня. Не успел я озвучить свое мнение, как он сказал:

– Хорошо.

– Ну вот и чудесненько!

Дьякон довольно потер ладошки, будто всучил нам какое-то барахло за миллион рублей, и вновь пригласил составить ему компанию в путешествии по дому. Следуя за ним, мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Ступеньки были деревянные, и некоторые тихонько поскрипывали под ногами, а вот перила оказались мраморные. С картин на правой стене на нас взирали бравые офицеры.

– Интересные портреты, Ефим, – на ходу заметил Вениамин Степанович.

Я машинально кивнул. В живописи я совершенно не разбираюсь. Будь это чертежи, тогда другое дело. Однако даже мне сразу бросилось в глаза, с каким вниманием к деталям художник подошел к своей работе.

Каждый офицер был изображен в полный рост. На заднем плане виднелась какая-то убогая китайская деревушка, и художник не поленился пририсовать самих китайцев, занятых повседневными делами. Их откровенная бедность еще больше подчеркивалась золотой рамой, в которую была заключена каждая картина.

– Родственники покойного? – спросил я у дьякона.

– Эти-то? – переспросил тот и замотал головой. – Нет-нет-нет. Это друзья их сиятельства, если их можно так назвать.

– Что значит «можно так назвать»? – недовольно бросил через плечо инспектор. – Выразайтесь яснее!

– Да-да, сию минуточку, – дьякон сразу преисполнился рвения и принялся торопливо перечислять, тыкая пальцем в портреты: – Это, значаца, сослуживцы их сиятельства. На войне с япошками вместе бились. Первый – прапорщик Денисов. Вживую я его никогда не видел. Их сиятельство как-то обмолвились, что он в бою погиб, о чём они очень кручинились. Вот этот, в шапке, поручик Усташевич. Добрейший души человек был.

– Был? – переспросил я.

– Ага, – кивнул дьякон. – И его сгубили, ироды. Снарядом запулили. Вот ведь как бывает: был человек, ба-бах, и нет человека, – дьякон развел руками и продолжил: – Усатый – это капитан Ветров. Поначалу он за главного был. То есть всем их отрядом командовал.

– Что за отряд? – спросил инспектор.

– Разведчики, – ответил дьякон. – Цельная сотня солдат и вот эти, стало быть, господа офицеры. Поначалу командование вот этому Ветрову отдали, хотя их сиятельство позаслуженнее его будет. Ну а уж когда и он сгинул, то их сиятельство отряд возглавил.

– И этот погиб? – переспросил я.

По правде говоря, на тот момент судьба капитана меня волновала мало, но инспектор остановился и внимательно разглядывал портреты. Попусту он бы тратить на них время не стал. Я тоже вгляделся в картины, стараясь ухватить максимум деталей. С инспектором никогда заранее не угадаешь, что именно окажется важным, а сам он не скажет.

– Ага, – отозвался дьякон. – Выкрали его япошки и запытали до смерти. Из самого Порт-Артура выкрали. Прямо на рынке среди бела дня схватили и уволокли к себе. И на их сиятель-

ство покушались, макаки желтомордые, только не вышло у них ничего! Ручонки-то коротки оказались, вот так-то! Их сиятельство на миноносце из города выехал. Дурак-капитан нас вместо Владивостока в Китай завез, но мы не в обиде, нет. Главное, вывез, а домой мы паровозом доехали.

– А вот этот? – спросил я, указав на портрет с благообразным стариком в мундире. – Тоже погиб?

– Этот-то? – переспросил дьякон. – Бобровский его фамилия. Нет, этот с нами выехал, а как в Расею-матушку возвратились – засел в своем именице и ни разу их сиятельство в Кронштадте не навестил. Ни разу! Только что месяц назад и свиделись, когда этот Бобровский богу душу отдал.

– Сам?

– Что? Ах да, конечно, самолично и благочинно представился в кругу семьи. Их сиятельство на похоронах присутствовали и, так сказать, в последний путь боевого товарища проводили. Вы, господа полицейские, на портретик-то не смотрите, – дьякон пренебрежительно махнул рукой. – Это он тут бодрячком рисуется, а на самом-то деле уже тогда еле на ногах стоял. Художник все эти портретики по фотографиям писал. Вот так-то. С рисунка на рисунок перемалевал, а денег как за работу с натурой взял, и это когда их сиятельство и без того стеснен в средствах!

– Погодите вы, – прервал я этот поток бесполезной информации. – Как же он на войну отправился, если на ногах не держался?

– Так известное дело, верхом, – пояснил дьякон. – Только верхом-то оно завсегда приметнее. Вот япошки его и заметили. Аж три пули вlepили, да еще сабелькой попотчевали! Чудом выжил.

– Ясно, – кивнул я. Дела давно минувших дней меня интересовали слабо. – Стало быть, все эти люди мертвы?

– Дык получается так, – признал дьякон. – Все сгинули, а их сиятельство только вас дожидается.

Инспектор зашагал вверх по ступенькам, так и не сказав, на что тут следовало обратить особое внимание. Сразу за портретом Бобровского ступеньки заканчивались, переходя в широкую площадку. Когда я вслед за инспектором поднялся на нее, прямо передо мной оказалось зеркало в массивной раме. Влево и вправо уходил длинный коридор. Он тянулся через весь дом и упирался в боковые несущие стены дома. По полу протянулась зеленая ковровая дорожка. Из окон падал бледный свет: лунный и от фонарей вперемешку.

На дорожке, прямо напротив разбитого окна, лицом вниз лежал человек. Слева стоял на страже рыцарский доспех с мечом в руках. Справа на подоконнике сидел полицейский. Завидев нас – точнее, конечно, инспектора, – он торопливо подтянулся и откозырял ему. Вениамин Степанович кивнул в ответ.

Дьякон быстренько распахнул дверь слева от зеркала и снова изобразил угодливый полупоклон, приглашая нас заходить:

– А вот и наша библиотечка. Попрошу сюда, господа полицейские.

Мы зашли. Первым, прямо перед инспектором, ужом проскользнул дьякон, затем вошел Вениамин Степанович, и последним – я.

Употребив слово «библиотечка», наш провожатый явно преуменьшил заслуги графа. Или графини – это смотря кто у них в семье главным книгочеем был. «Библиотеки» были нынче в моде, но, как правило, на поверку большая их часть оказывалась салоном для приема гостей, а то и вовсе курительной комнатой, где литература была представлена разве что вчерашней газетой. Здесь же была самая настоящая библиотека.

Две стены от пола до потолка были скрыты полками, и там рядами стояли книги. Более того, они все там не поместились. Несколько разнокалиберных томов лежали в углу прямо

на полу. Точнее говоря, на ковре. В библиотеке он был более яркого зеленого цвета, чем в коридоре, но такой же мягкий.

Над книгами замер какой-то азиатский рыцарь в золочёных доспехах и с драконьей маской вместо лица. Правой рукой он держал саблю с широким лезвием, а перевернутый щит служил хозяину библиотеки в качестве подноса. На щите лежала газета.

Дальше мой взгляд скользнул по столу – то ли антиквариат, то ли старая рухлядь – и остановился на кресле, обитом черной кожей. В кресле сидела женщина. Она сидела так неподвижно, а ее платье было настолько черное, что я не сразу ее заметил. Да и света от единственной керосиновой лампы было маловато. Читать при таком освещении означало себе глаза испортить, причём с гарантией.

– Здравствуйте, господа, – тихо сказала женщина.

– Здравствуйте, сударыня, – ответил Вениамин Степанович. – Я имею честь видеть графиню Рошину?

На ее бледном лице появился намек на полуулыбку, но он рассеялся раньше, чем обрел законченные формы. Пожалуй, если бы не эта могильная бледность, я бы назвал ее красивой.

– Не уверена, что это такая большая честь – знакомство со мной, – сказала женщина. – Но если это был просто вопрос в вежливой форме, то да. Я графиня Рощина, Анна Владимировна. В коридоре лежит мой муж. Вы с ним уже виделись?

– Мельком, – признал инспектор. – Только что.

– Что ж, у вас еще будет возможность с ним познакомиться, – сказала графиня. – Но перед этим у меня к вам будет одна просьба, господин полицейский. Вы садитесь, пожалуйста, – она указала на стулья перед собой. Их было целых три, но приглашение явно было адресовано только Вениамину Степановичу.

– Благодарю вас, – сказал инспектор. – Но прежде чем вы начнете излагать свою просьбу, позвольте нам представиться.

В ее взгляде проскользнуло отчетливое сомнение в необходимости такого шага, но вслух она сказала:

– Извольте.

Инспектор представился по всей форме, со всеми своими регалиями. Я даже не знал, что у него их столько. Графиня кивнула, показывая, что приняла информацию к сведению. Затем инспектор перешел к моей скромной персоне. После слов «агент сыскной полиции» графиня окончательно поскучилась и даже не взглянула в мою сторону.

– Сейчас я представляю здесь руководство кронштадтской сыскной полиции, – такими словами закончил инспектор. – Но моя должность предусматривает в первую очередь контроль за строгим соблюдением законности в ходе расследования.

– Можно подумать, я вам собираюсь предложить взятку, – улыбнулась графиня.

«А можно подумать – нет», – чуть было не ляпнул я.

По крайней мере, выглядело это именно так. Инспектор был более дипломатичен.

– Ни в коем случае, сударыня, – заверил он. – Я сделал специальный акцент на этом аспекте только для того, чтобы вы понимали: основные действия по предварительному следствию будут проведены Ефимом Родионовичем. Возможно, вам следует адресовать свою просьбу ему?

Тут Вениамин Степанович кивнул в мою сторону, и я таки удостоился ее взгляда. Он просветил меня насквозь, как лучи немца Рентгена, и я почувствовал себя неудобно. Взгляд у нее был холодный и цепкий. Помню, пару лет назад я оказался в лесу под Лугой – воздушный шар, который мы испытывали с инженером Павловым, навернулся – и я, выпав из корзины, нос к носу столкнулся с волком. Вот у него был такой же взгляд. Хищный и вместе с тем настороженный.

– Надеюсь, молодой человек, вы быстро найдете нашу потерю, – тихо сказала графиня.

– А что пропало, ваше сиятельство? – спросил я.

Проигнорировав мой вопрос со мной вместе, графиня уже вновь обращалась к инспектору:

– Вениамин Степанович, после того, как вы так понятно мне всё объяснили, я уверена, что моя просьба действительно должна быть адресована именно вам.

– Что ж, я слушаю вас, Анна Владимировна.

– Моя семья только что понесла тяжелую утрату, – сказала графиня. – Я понимаю необходимость полицейского расследования, но я вас очень прошу оградить мою семью, моих детей, от излишнего внимания. Моя дочь уже до того испереживалась, что призраков видит!

– Покойного графа? – сразу спросил я, как только наметилась возможность вставить словечко.

– Слава богу, нет, – ответила графиня, не поворачивая головы в мою сторону. – Для нее это было бы слишком сильным потрясением. Она любила отца, но этот призрак... – она покачала головой. – Господи, я, кажется, уже сама начинаю верить в проклятие. Вениамин Степанович, я вас очень попрошу провести это ваше расследование максимально тактично.

Фраза «это ваше расследование» резанула мне слух. В конце концов, это ее убитый муж в коридоре лежал. Да и сама она вовсе не производила впечатления равнодушной «черной вдовы». Даже наоборот, весь ее вид буквально кричал о том, что она едва держит себя в руках.

– Зеваки вас не побеспокоят, Анна Владимировна, – сказал Вениамин Степанович. – На крыльце дежурит городской Матвеев, и поверьте мне, он знает свое дело. Что до расспросов, то они, увы, неизбежны. Нам нужно восстановить картину преступления.

– Расспрашивайте меня, – предложила графиня.

– Вы были свидетелем смерти вашего мужа?

– Увы или к счастью, но нет.

– Тогда вы вряд ли сможете нам помочь, – вздохнул инспектор.

– Отчего же? Я, Вениамин Степанович, не сидела тут сложа руки и картину преступления сейчас представляю лучше вас, уж простите меня великодушно.

Инспектор ее великодушно простил, и у них началась исполненная великосветской вежливости пикировка на предмет, куда нам можно совать свой полицейский нос, а куда не следует. Я уже всерьез подумывал тихонько улизнуть, благо в их беседе мне места не нашлось, и заняться, наконец, делом, когда в библиотеку заглянул дьякон.

А я даже не заметил, как он вышел. Тактично откашлявшись, дьякон добился того, чтобы графиня повернула к нему голову, и доложил:

– Там доктор прибыли. Только прощеньица просим, Федор, растяпа эдакий, Пал Палыча сыскать не смог. Другого доктора зазвал.

– Сейчас, я думаю, это уже не важно, – вздохнула графиня. – Пригласи его.

Дьякон закивал, но продолжал мяться в дверях.

– Что еще, Феофан?

– Так я-то ничего, мое дело маленькое, – быстро заговорил дьякон. – Только скажу вам, что у доктора этого фамилия – Азенберг.

– Клаус Францевич? – переспросил Вениамин Степанович. – Замечательный доктор, я его хорошо знаю. Что вас смущает?

– Так он же немчура, – дьякон аж всплеснул руками от возмущения.

– Ему это не мешает, – сказал я.

– Дык не о нём моя печаль! – отвечивал дьякон, но, не найдя понимания у графини, отправился встречать доктора.

Я воспользовался случаем и покинул библиотеку следом за ним.

ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, Клаус Францевич был отчасти сам виноват в сомнениях дьякона Феофана.

Доктор он был отменный, тут спору нет, но одевался точно беглый студент из Европы. Да и ладно бы действительно бедствовал! Нет. Доктор снимал квартиру на Николаевском проспекте – это для сравнения как Невский проспект в Санкт-Петербурге – да еще регулярно выписывал дорожущее оборудование из Германии. Я почему знаю: он всегда просил меня встретить груз на пристани, мало ли какой мазурик польстился бы! И вот такой человек ходил на вызов в осеннем пальтишке и вечном своем синем камзоле, который он купил еще в Германии, и было это в прошлом веке.

– Клаус Францевич, поднимайтесь сюда! – крикнул я сверху.

Доктор поднял голову.

– Ох, Ефим! – воскликнул он. – Я так и думать, что застать вас здесь. Час назад вы жаловаться мне на свой здоровье и пить лекарство, а теперь я видеть – вы игнорировать мой рекомендаций! Как так можно?!

– Работа такая, – сказал я, разводя руками.

– Работа, – проворчал он. – Ох. Хорошо. Где есть эта работа?

Дьякон со вздохом выступил вперед и пригласил доктора проследовать за ним. Клаус Францевич бодро взбежал вверх по ступенькам. Такую бодрость и молодым было бы не зазорно продемонстрировать, а ведь доктор еще и не с пустыми руками пришел. В руках он нес свой большой саквояж с золотым вензелем из букв «КФА», обвитых виноградной лозой. Это была, пожалуй, единственная действительно дорогая вещь в его гардеробе, да и та выглядела потерятой. Если бы я доподлинно не знал, что вензель действительно золотой, подумал бы что дешевая безделушка.

– Попрошу за мной, доктор, – проворчал дьякон.

Мы втроем проследовали по коридору. Дьякон прямо на ходу где-то раздобыл лампу. Остановившись у рыцарских доспехов, он запалил ее и без всяких церемоний повесил на рукоять меча. Свет озарил лежащее тело, и я, наконец, смог рассмотреть покойного.

Тот был высок ростом и очень худ. Уж на что я худой, а этот так вообще больше походил на змею в обличье человека. Тело было прикрыто синим халатом, из-под которого торчали ноги в сапогах. Длинные руки вытянулись вперед, словно мертвец в последний момент пытался дотянуться до чего-то. Седая голова уткнулась носом в ковровую дорожку. Левый висок был сильно расцарапан. На волосах темнели пятна крови. Я оглянулся на разбитое окно. Похоже, незадолго до смерти покойный пытался пробить его головой.

Клаус Францевич опустился на пол рядом с покойным. Дьякон застыл у доспехов, воплощая собой полнейшее «пропала Расея». Полицейский у окна вытянул шею, чтобы лучше видеть. Как будто еще не насмотрелся на мертвеца! Я, наоборот, выглянул в окно, и поежился. В особняке было жарко натоплено, даже в коридоре так тепло, что я пиджак расстегнул, а из окна ощутимо тянуло холодом.

Зеваки, заметив свет, без всякого толку подались вперед. Что они рассчитывали разглядеть снизу в окне второго этажа – для меня осталось загадкой, да и Матвеев стоял, как скала. Молодой человек в сером пальто вознамерился влезть на дуб, но городской так рывкнул, что чрезмерно любопытного зеваку как ветром сдуло.

По другую сторону улицы ровными рядами выстроились служительские корпуса. Внешне они были полной противоположностью особняку: современные здания из красного кирпича, абсолютно одинаковые, совсем ничем не примечательные и длиной с пассажирский поезд. Я жил в одном из них, и, на мой взгляд, внутри сходства с поездом было еще больше, чем снаружи.

При мысли о доме меня вновь потянуло в сон, но как раз сейчас было не до него.

– Он есть мертв, – выдал доктор первое заключение.

– Спасибо, мы это и так знаем, – пробурчал дьякон себе под нос.

Клаус Францевич аккуратно снял с тела халат. Мертвец был одет в некогда белую, но давно нестиранную рубашку и серые брюки, столь же давно не встречавшиеся с утюгом. На спине темнели два бурых пятна, обрамлявших рваные неаккуратные дыры. С причиной смерти лично мне всё было ясно с первого взгляда: кто-то влепил ему в спину пару пуль.

– Я так понимаю, его застрелили, – сказал я.

– Да, Ефим, это так, – отозвался доктор и перевернул тело.

Крови под ним натекло немного. Большую ее часть впитал халат. На правом плече мертвеца отпечаталась кровавая ладонь. Судя по размеру – женская. Или детская, но это мне сразу показалось маловероятным.

– Мы, как стрелять начали, всем миром на помощь их сиятельству сбежались, – запричитал дьякон. – О себе не думая, только о нём беспокоясь. Совсем малость не успели. Убили благодетеля ироды.

– То есть их было несколько? – сразу спросил я. – Сколько человек вы видели?

– Да если б хоть одного увидел, вцепился бы как клещ и не пушал бы! – с такой горячностью ответил дьякон, что я даже на секунду ему поверил. – Костями бы лег, а вот удержал бы.

– То есть убийц вы не видели? – уточнил я.

Дьякон с сожалением и очень многословно признал, что нет. Вся его уверенность в их численности базировалась на стойком убеждении, что один человек, каким бы ушлым злодеем он не был, с графом бы не справился. Такие «доказательства», понятно, к делу не подошьешь, но дьякон внезапно обрел поддержку в лице Клауса Францевича.

– Ох, Ефим, – сказал он. – Я думаю, это вам быть интересно.

Как оказалось, пули не прошли тело графа насквозь, и это позволило сразу же заметить еще одну рану на груди. Узкая и неширокая, она была нанесена тонким лезвием прямо в сердце.

– Хм... – произнес я. – То есть его сразу и зарезали, и застрелили?

– Сразу – очень тонкий слово, – не спеша ответил доктор. – Время быть близкий, но я не думаю, что это быть одновременный. На другой сторона, он не жить с любой эта рана. Да, время близкий. Очень близкий.

– Дык я о том и толкую! – вновь встрял дьякон. – Цельная банда их была!

– Ну, как минимум двое, – согласился я. – Этот след, как я понимаю, от ножа?

– Вероятно. Или вот этот предмет, – Клаус Францевич указал на меч в руках рыцаря.

Я аккуратно, стараясь не наступить на кровь, перешел к доспехам. При ближайшем рассмотрении они оказались бутафорией чуть ли не из жести, хотя и выглядели, как настоящая броня. Я приподнял похожее на клюв забрало шлема. За ней какой-то паучок свил паутинку, но кого он там ловил, для меня осталось загадкой. Мухи через такую мелкую решетку на забрале точно не пролетели бы.

Вытащив из кармана лупу, я тщательно осмотрел меч. Тот был здоровенный – вроде бы их называли двуручными – и, в отличие от брони, выглядел самым что ни на есть настоящим. Лезвие было наточено и начищено до блеска, однако ни следов крови на нём, ни отпечатков пальцев на рукояти я не обнаружил.

– Мы ничего не трогали, – поспешил заверить меня дьякон. – Даже их сиятельство. Чтобы, значаца, картинку преступления не смазать ненароком.

– И даже не проверили – жив ли он? – удивился я.

– Как можно?! – дьякон возмущенно всплеснул руками. – Конечно, Анна Владимировна самолично убедилась в кончине их сиятельства. У нее еще с войны с япошками опыт имелся. Она как увидела, что их сиятельство убитый, тогда и сообщила горестную весть. Мы сразу злодеев искать кинулись. Анна Владимировна при их сиятельстве осталась. Халатиком его прикрыла, чтобы по-людски всё было, и в одиночестве горюшко горевала. Всю картинку преступления для вас сберегла, а вы говорите!

– Вот за это спасибо, – ответил я, и повернулся к доктору. – Клаус Францевич, еще чем-нибудь порадуете?

Он вздохнул и покачал головой.

– Что тут может быть в радость, Ефим? Мертвый человек. Уже час как мертвый. Я бес-
силен помогать.

– Час? – удивился я и посмотрел на дьякона.

Тот развел руками:

– Ну дык пока туда-сюда, – пролепетал он. – Времечко-то и убежало.

– Целый час? – повторил я.

– Так не засекали, – ответил дьякон. – Вот только от доктора и узнали, что цельный часик
набежал.

Я фыркнул:

– Молодцы, нечего сказать! Сейчас убийца может быть уже в Питере.

Дьякон виновато понурился. Я подумал и решил видеть во всем положительные стороны. По крайней мере, мне не придется гоняться за убийцей по заснеженным улицам. Можно вести следствие спокойно, в тепле, без спешки и суеты.

– Ну что ж, – сказал я. – Что сделано, то сделано. Тогда приступим к опросу свидетелей.

– Так это за милую душу, – тотчас откликнулся дьякон. – Все в гостиную собрались,
только вас ждут.

– Хорошо, – кивнул я. – Вы, как я понимаю, свидетелем не были.

Дьякон развел руками и сказал:

– Виноват-с.

– Ну, не были так не были, – вздохнул я. – Но с графом, как я понимаю, знакомы близко.

– Да с самой той войны с япошками, – с легким намеком на гордость ответил дьякон. –

При их сиятельстве денно и ночью состоял для поручений всяких.

– Не самая обычная карьера для дьякона, – заметил я.

– Так какая жизнь, такая и карьера, – философски отвечал дьякон. – Спасибо бла-
годетелю, что не дал голодной смертью сгинуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.